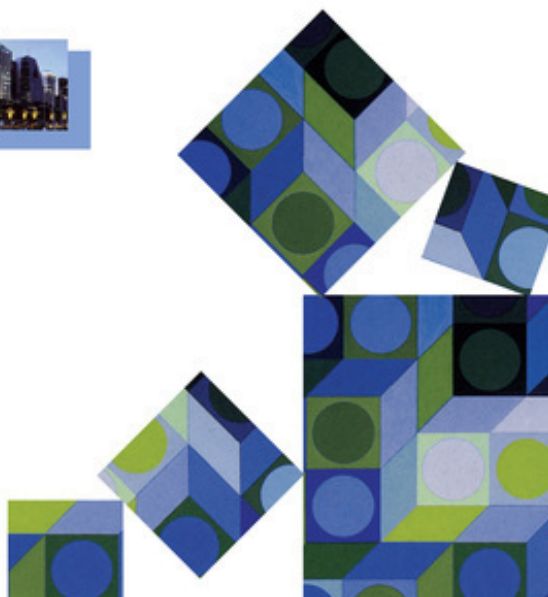

П.П. ЯКОВЛЕВ

ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ВРЕМЕНИ

ЦИКЛЫ МОДЕРНИЗАЦИИ
И КРИЗИСЫ
В АРГЕНТИНЕ

Петр Павлович Яковлев
Перед вызовами времени.
Циклы модернизации
и кризисы в Аргентине

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2686075

Перед вызовами времени (циклы модернизации и кризисы в Аргентине):

Прогресс-Традиция; Москва; 2010

ISBN 978-5-89826-329-4

Аннотация

В книге предложено решение «аргентинской загадки» и дан ответ на вопрос, почему богатейшая страна, имеющая огромные ресурсы для успешного и стабильного роста, десятилетиями не могла вырваться из заколдованного круга экономических потрясений и кризисов. Автор прослеживает траекторию хозяйственного развития Аргентинской Республики, анализирует ее взлеты и падения, ключевые экономические проблемы с конца XIX в. и до наших дней. Выделены основные модернизационные проекты, показаны их особенности и результаты. Главное внимание уделено современному периоду, когда страна, преодолевая последствия разрушительного кризиса 2001–2002 гг., внесла серьезные коррективы в модель развития и в 2003–2008 гг. продемонстрировала одни из самых высоких

в мире темпов хозяйственного роста. В фокусе исследования – национальная стратегия неоиндустриальной модернизации, проблемы выхода из дефолта по суверенным долгам и обеспечения финансовой стабильности, институциональные характеристики страны и их воздействие на макроэкономические процессы, тенденции развития внешнеторговых связей, включая отношения с Россией. Специальное место отведено воздействию на Аргентину мирового кризиса 2008–2009 гг. и антикризисным мерам аргентинских властей. Книга адресована специалистам-международникам, представителям бизнес-сообщества, практикам внешнеэкономических связей, а также всем читателям, интересующимся вопросами мировой экономики и политики.

Содержание

Предисловие	5
Загадка Аргентины (в жанре введения)	12
I	22
Глава 1	25
Восход и закат «золотого века». Первая волна модернизации	25
Импортозамещение и госкапиталистические тенденции	50
Перонистский пролог – вторая волна модернизации	63
Десарролизм и кризис госрегулирования	87
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Пётр Павлович Яковлев Перед вызовами времени (циклы модернизации и кризисы в Аргентине)

Аргентинцы, займитесь делом!
Хосе Ортега-и-Гассет, испанский философ

*Нам удалось изменить логику национального
развития.*

*Мы начали процесс перемен, и это заслуга не
правительства или партии, а всех аргентинцев.*

Кристина Фернандес де Киринер

Предисловие

Новая книга доктора экономических наук П.П. Яковлева, в которой в блестящей форме исследуется траектория развития аргентинской экономики, по ряду причин должна привлечь внимание читателей и в России, и в Аргентине. В 2010 г. исполняется 200 лет Майской революции, открывшей путь к политической независимости аргентинского государства. В этом же году мы отмечаем 125-летие установления российско-аргентинских дипломатических отношений.

Но дело, конечно, не только и не столько в юбилейных датах, хотя и они по-своему важны и символичны. Главное состоит в другом – темы, поднимаемые и анализируемые автором на материале Аргентины, имеют прямую и жесткую связь с целым рядом ключевых теоретических и практических вопросов мирового экономического и социально-политического развития, помогают глубже понять и точнее очертить наши собственные, российские, проблемы и болевые точки.

Развитие мировой экономики поставило перед исследователями и практиками хозяйственной деятельности немало задач, как правило не имеющих однозначных и простых решений. Одна из таких проблем, над которой бьются ученые, – почему отдельные страны, имеющие, казалось бы, все для успешного и поступательного развития, десятилетиями не могут вырваться из порочного круга отсталости и нерешенных экономических и социально-политических задач, с завидным постоянством попадают в жернова острейших кризисов, до основания потрясающих их общественные структуры. Автор книги задался целью решить подобную головоломку на примере Аргентины, другими словами – разгадать «аргентинскую экономическую загадку». Разумеется, помощь в решении поставленной задачи оказало то, что П.П. Яковлев долгие годы работал в этой стране и знает ее проблемы, можно сказать, изнутри.

Выбор Аргентины в качестве объекта научного исследования полностью оправдан и продиктован целым рядом ве-

сомых соображений. За последние сто лет она прошла сложный и извилистый путь от одного из наиболее богатых и многообещающих государств мира до страны, экономика которой в значительной степени утратила международную конкурентоспособность и серьезно отстала от мирового хозяйственного авангарда. Говорят, что будущее вытекает из прошлого. Анализ исторической траектории развития Аргентины позволяет автору взглянуть на сегодняшний день и на экономические перспективы страны с концептуально выверенной точки зрения, аргументированно показать истоки нынешних проблем и трудностей, предложить собственный сценарий устойчивого поступательного роста. При этом многие принципиальные выводы исследования четко сформулированы и точно адресованы.

В книге прослеживается, как одни и те же дилеммы возникают с роковой регулярностью. Попытки динамизации развития и модернизации хозяйственных структур каждый раз заканчивались антимодернизационными откатами либо периодами застоя. Неоднократно модернизационные циклы наталкивались на политические и социальные препятствия, оборачивались кризисами и военными переворотами. Подобного рода «рванный ритм» развития ощутимо тормозил продвижение вперед.

Модернизация в последние годы превратилась в одну из главных тем макроэкономических исследований. Вокруг этой проблемы либо в связке с ней рассматриваются наибо-

лее насущные вопросы развития самых разных государств. Именно изучение модернизационной проблематики помогает понять, почему (при прочих сходных условиях) одни страны далеко вырвались вперед, а другие не могут выйти на траекторию стабильного роста. Автор анализирует перипетии процесса модернизации в Аргентине и на основе научного диагноза дает, на мой взгляд, убедительный ответ на вопрос, в чем причины исторического отставания такой богатой страны.

В 90-е гг. прошлого века аргентинскими правящими кругами была взята на вооружение имитационная модернизационная модель неолиберального толка. Были проведены радикальные рыночные преобразования, во многом изменившие хозяйственный облик Аргентины. Но «импортированные» неолиберальные реформы были оторваны от национальной почвы, не содержали эффективной социальной компоненты и в конечном счете «захлебнулись». Острейший кризис 2001–2002 гг. подвел неутешительный итог десятилетию фактически безраздельного правления неолибералов и привел в движение «тектонические плиты» в общественном сознании.

В книге показано, что после испытаний начала века сменившаяся политическая власть разработала долгосрочные планы социально-экономического развития и энергично приступила к их осуществлению на новой идейной платформе. Главный замысел – переход экономики от экспорт-

но-сырьевого к инновационному, неоиндустриальному и социально ориентированному типу развития. Причем определяющей чертой современного этапа модернизации стала активная роль государства. Мировой кризис 2008–2009 гг. создал дополнительные препятствия для реализации этой стратегии, но страна даже в условиях международных потрясений выстояла и, опираясь преимущественно на внутренние ресурсы, сохранила основной вектор роста. Тем самым был подтвержден тот факт, что Аргентина – ценный и перспективный актив формирующейся новой экономической и политической глобальной системы. Косвенным признанием этого обстоятельства стало включение страны в состав «Большой двадцатки». Аргентина способна сыграть (и, надо полагать, сыграет) существенную роль в ресурсообеспечении мировой экономики и решении таких острейших общечеловеческих проблем, как, например, борьба с голодом.

Отмечая большой потенциал и глобальную значимость аргентинской экономики, автор не упрощает реальной картины и не закрывает глаза на имеющиеся трудности и узкие места, которые препятствуют реализации этого потенциала. Его не загипнотизировали высокие темпы роста Аргентины в 2003–2008 гг. (на 7–9 % в год). Преимущество книги – в серьезном внимании, которое уделяется институциональным аспектам социально-экономического развития. Именно слабость отдельных институтов – ахиллесова пята Аргентины, длительное время не позволявшая обеспечить решение стра-

тегических задач национального развития. Институциональная «рыхлость» аргентинского государства и сегодня остается нерешенной задачей, серьезным вызовом политическому классу и всему обществу. В этом – реальная опасность того, что очередные модернизационные цели будут размыты и утрачены. Похоже, что в правящих сферах это понимают. По крайней мере, в дискурс Президента Аргентинской Республики Кристины Фернандес де Киршнер и других высших руководителей страны прочно вошли заявления о необходимости кардинальных институциональных реформ.

Напрягая внутренние силы для решения актуальных проблем развития, аргентинская нация учитывает и внешние факторы, стремится эффективно встроиться в меняющуюся мировую экономику, укрепить экономические и торговые связи с максимально широким кругом зарубежных партнеров. В их числе и бизнес-сообщество России, в последние годы стабильно наращивающее взаимодействие с аргентинскими деловыми кругами.

Российско-аргентинское сотрудничество проявилось и в трудные времена мирового кризиса. Участие Буэнос-Айреса и Москвы в работе «Большой двадцатки» продемонстрировало объективное совпадение интересов Аргентины, России и ряда так называемых восходящих гигантов (в первую очередь, входящих в группу БРИК) в том, что касается перестройки мирового финансово-экономического порядка. Это – фундаментальная задача, решение которой способно обес-

печить благоприятные внешние условия для модернизационного рывка и в Аргентине, и в России.

Директор Института Латинской Америки РАН, доктор экономических наук, профессор В.М. ДАВЫДОВ

Загадка Аргентины (в жанре введения)

Больше всего меня поражает в Аргентине то, что такая неорганизованная страна добилась столь больших успехов.

Альберт Эйштейн

Главная тема книги – развитие и трансформация аргентинской экономики, ее адаптация к вызовам мирового рынка, процессам глобализации и внешним шокам, выдвижение различных по своему макроэкономическому содержанию *модернизационных проектов* (волны модернизации). Эти вопросы рассматриваются на протяжении значительного исторического периода, начиная с конца XIX в. и заканчивая сегодняшним, точнее – завтрашним днем, поскольку работа содержит элементы прогноза. Основное внимание уделено современным проблемам модернизации, макроэкономический анализ которых предполагает изучение крупномасштабных хозяйственных явлений и процессов, а также действий государства по регулированию экономики.

Аргентина – своеобразная, можно сказать, *атипичная* страна, прошедшая «свой» путь экономической и социально-политической эволюции, путь, отмеченный целым рядом

специфических черт и характеристик¹. В то же время уже более ста лет Аргентина находится в гуще мировых событий, своими внутренними процессами и международными акциями периодически привлекая к себе внимание глобального сообщества. Проиллюстрируем эту мысль конкретными примерами.

На рубеже XIX XX вв. Аргентина стала *«всемирной житницей»*, выдвинулась в очень ограниченное число ведущих государств – экспортеров продовольствия, что на годы вперед придало ей *глобальную экономическую значимость*, зафиксировало место и роль в международном разделении труда, в мировой торговле как крупного игрока на рынках сельскохозяйственных товаров. В тот период Аргентина особенно остро конкурировала с Россией на европейском рынке зерновых. Невольно вспоминается отрывок из знаменитых «Одесских рассказов» И. Бабеля: «Неужели ты не знаешь, что в этом году в Аргентине такой урожай, что хоть завались, и мы сидим с нашей пшеницей без почина?»¹

В Российской империи внимательно следили за тем, что происходило у конкурентов на далеких берегах Ла-Платы. Вот показательный факт. В 1911 г. в Петербурге была издана книга российского ученого Н.А. Крюкова *«Аргентина. Сельское хозяйство в Аргентине в связи с общим развитием страны»*². Это – объемистый, 500-страничный труд, де-

¹ Нобелевский лауреат Пол Самуэльсон отмечал: «Существует четыре типа стран: развитые, развивающиеся, Япония и Аргентина».

тально анализирующий проблемы аргентинской экономики и внешней торговли с упором на освещение тенденций роста сельскохозяйственного производства и экспорта, а также импорта промышленных изделий.

Долгое время аргентинские производители не имели себе равных в экспорте мяса, прежде всего говядины. В начале 20-х годов прошлого века они обеспечивали 40 % всех мировых поставок этого важнейшего продукта³. Слава аргентинского мяса была столь велика, что богатые аргентинские скотоводы, отправлявшиеся «проветриться» в Европу, везли с собой элитных бычков, «чтобы не остаться голодными» в Старом Свете.

Благоприятная конъюнктура на международных рынках, сохранявшаяся вплоть до мирового экономического кризиса 1929–1933 гг., вывела Аргентину в первый ряд динамично развивавшихся государств, привлекла на берега Ла-Платы миллионы иммигрантов. Страна не только заняла уникальное положение в Латинской Америке², но и опередила по объему душевого ВВП многие ведущие державы: Австрию, Голландию, Италию, Испанию, Францию, Японию, Россию и т. д. В энциклопедическом словаре «*Ларусс*» за 1919 г. было написано: «Все говорит о том, что Аргентинская Республика, благодаря своему богатству и размерам территории,

² В 1910 г. на долю Аргентины приходилось 50 % совокупного ВВП латиноамериканских стран. Уже в 1913 г. в Буэнос-Айресе была открыта линия метро – первая в Латинской Америке.

предприимчивости ее населения, а также уровню развития индустрии и торговли, чей прогресс нельзя не заметить, будет в один прекрасный день соперничать с США»⁴. Аргентину часто называли «*роллс-ройсом*» среди государств и народов. «Богат, как аргентинец», – говорили в Париже в 20-е годы прошлого века. Но многим оптимистическим прогнозам не суждено было сбыться.

В 1930 г. Аргентина стала мировой новостью со знаком «минус»: верхушка вооруженных сил отстранила от власти гражданское правительство и положила начало череде военных переворотов, ставших своего рода «черной меткой» политического процесса в стране. Но именно из среды офицеров, организовавших в 1943 г. очередной мятеж, выдвинулся крупнейший национальный лидер XX в. – *Хуан Доминго Перон*, создавший и по сей день ведущую общественную силу – *Хустисиалистскую (перонистскую) партию* — и выступавший под лозунгом «За великую Аргентину». Однако действительность оказалась иной: вторая половина прошлого века стала для Буэнос-Айреса периодом экономического отставания от развитых государств, последовательной сдачи позиций на международных рынках, уменьшения доли в совокупном ВВП Латинской Америки (до 13 % к 2000 г.). Страна оказалась на периферии мировой экономики. В зарубежной научной литературе указанный процесс получил наименование «*аргентинского экономического декаданса*»⁵. Весьма характерной в этом плане была опубликованная в

1978 г. в американском журнале «Нью Стейтсмен» на шумевшая статья, в которой констатировалось: «Провал Аргентины как нации – самая большая политическая загадка нашего времени»⁶. Сходную мысль высказал и нобелевский лауреат *Милтон Фридман*, который заметил, что не может объяснить двух вещей: как Япония с ее скудными ресурсами смогла достичь столь многого и как Аргентина с ее огромными богатствами сделала так мало⁷.

Военной и дипломатической катастрофой обернулось для правившей репрессивной хунты вооруженное столкновение с Великобританией в 1982 г. из-за Мальвинских (Фолклендских) островов. Боевые действия в Южной Атлантике, на несколько месяцев приковавшие к себе внимание всего мира, стали своеобразной «лебединой песней» политической активности аргентинских военных. На волне всеобщего недовольства обанкротившимся преступным режимом в Аргентине были восстановлены конституционные порядки. Это позволило в рамках нормальных демократических процедур начать поиск ответа на вопрос, волновавший все общество: **почему богатейшая страна с огромным человеческим и природным потенциалом десятилетиями не может выйти на траекторию устойчивого хозяйственного развития и обеспечить большинству граждан достойный уровень жизни?**

Откровенно говоря, и эта книга в значительной мере рождалась в упорных попытках автора дать свой вариант ответа

на «аргентинскую загадку», предложить собственную концепцию, объясняющую причины многочисленных (и периодических) экономических неудач и провалов Буэнос-Айреса.

Обширный материал для такого рода анализа и обобщений добавила аргентинская действительность последних двух десятилетий. Страна за исторически короткий период по существу прожила несколько экономических и политических «жизней», вновь выдвинулась на передний план международного общественного внимания. В 90-е гг. прошлого века, в разгар проведения неолиберальных реформ перонистским правительством *Карлоса Сауля Ме нема*, мировые СМИ и самые влиятельные западные «мозговые центры» хором заговорили об «аргентинском экономическом чуде» и настоятельно требовали от других стран, включая Россию, «равняться на Буэнос-Айрес»³.

Внимание во всем мире привлекли к себе драматические события, разыгравшиеся в Аргентине в декабре 2001 г. и вновь давшие повод рассуждать об «аргентинской загадке». Корреспондент газеты «Нью-Йорк тайме» в Буэнос-Айресе *Клифффорд Краус* в те дни писал: «Аргентина располагает одними из самых богатых в мире сельскохозяйственных и скотоводческих угодий, значительными запасами нефти, у

³ Не случайно в 1998 г. по приглашению Правительства РФ в Москву для передачи опыта приезжал «творец аргентинского экономического чуда», бывший министр экономики Аргентины Доминго Кавалло.

нее образованное и культурное население, едва превышающее 36 миллионов человек, но занимающее территорию размером с Индию. В начале XX века ее экономику сравнивали с экономикой США. Так почему сегодня страна находится в столь ужасной ситуации? И почему похожие кризисы уже не раз бывали в ее новейшей истории?»⁸

Период 2001–2002 гг., даже по меркам бурной истории Аргентины, был перенасыщен катаклизмами. Экономический, социальный и институциональный мегахризис, крах неолиберальной модели, крупнейший в мировой истории дефолт по суверенным долгам, напряженная борьба за власть в политических верхах, мучительный поиск новых ориентиров национального развития. Интересно, что эти события напомнили о себе в 2007–2008 гг. в другой стране – США в связи с разыгравшимся там финансовым кризисом. «Маловероятно, что Соединенные Штаты ожидает рецессия наподобие аргентинской. Но причины наших проблем весьма схожие», – писал видный американский экономист, нобелевский лауреат *Пол Кругман*⁹.

Пристальный интерес к происходившему в южноамериканской стране был проявлен в российских официальных кругах и научном сообществе¹⁰. Не остались в стороне и СМИ, по которым прокатилась лавина публикаций и комментариев с попытками осмысления причин провала аргентинских реформ, на протяжении ряда лет служивших вит-

риной неолиберализма и «образцом для подражания». Причина такого интереса лежала на поверхности. В аргентинских событиях российские политики и экономисты усмотрели явные параллели с нашей действительностью, с проблемами постсоветского реформирования и транзита. Отсюда – стремление оценить ситуацию, своевременно извлечь уроки из аргентинского опыта *«неолиберализации всей страны»* и не наступить «на те же грабли», не допустить повторения российского кризиса 1998 г., имевшего целый ряд схожих черт с событиями в Аргентине. Одна из центральных задач книги – внести посильный вклад в исследование причин и последствий *«аргентинского обвала»*, дать взвешенную, научно обоснованную и политически не ангажированную оценку реформам 1990-х гг. При этом автор исходит из того, что аргентинский кризис начала века – частный случай общих, фундаментальных закономерностей, отражающих новые сложные реалии глобализирующегося мира.

В 2003–2008 гг. Аргентинская Республика вновь оказалась в фокусе международного внимания (теперь уже со знаком «плюс») благодаря по-истине «китайским» темпам роста ее экономики, а также весомым успехам местных товаропроизводителей на мировых рынках и мастерски проведенной реструктуризации суверенного долга, позволившей стране выйти из дефолта¹¹. Усилия правительства *Нестора Киришнера* по преодолению последствий кризиса и посткризисная модернизация национальной экономики, осуществ-

ляемая на принципиально иных концептуальных основах (и другими методами), нежели реформы 1990-х гг., отчетливо обозначили стремление аргентинского правящего класса и общества в целом перевести страну в более высокую «весовую категорию» в мировом экономическом рэнкинге и существенно улучшить ее позиционирование в глобальном раз- делении труда.

Победа на президентских выборах 28 октября 2007 г. *Кристины Фернандес де Киришнер* — жены действовавшего главы государства — еще больше акцентировала интерес мирового медиасообщества к событиям на берегах Ла-Платы. «Королева Кристина», «Латинская Хиллари Клинтон», «Новая Эвита Перон» — такими заголовками запестрели страницы газет и журналов. Но дело было не только в повышенном внимании к уникальному варианту политического «семейного подряда», но и к тем знаковым процессам модернизации, которые развернулись в Аргентине.

За прошедшие с конца XIX в. десятилетия Буэнос-Айрес «перепробовал» различные варианты модернизации и накопил разнообразный и противоречивый опыт проведения макроэкономических трансформаций, опередив в этом отношении большинство развивающихся стран. Поэтому изучение и осмысление аргентинского опыта значимо и существенно для многих государств, включая Россию. Модернизационная парадигма Аргентины развивалась во взаимодействии с реальными процессами национального развития,

вносившими коррективы в ее содержание и определявшими ее цели. Конкретные задачи, смыслы, формы и методы модернизации изменялись в ходе исторического развития аргентинского общества и национальных хозяйственных структур. Этот путь не был гладким. Он изобилдовал противоречиями, конфликтами, попытками торможения и даже движения вспять. **Особенность современного модернизационного проекта в его синергетическом характере** стремлении извлечь уроки истории, опереться на опыт прошлых лет и включить в себя отдельные элементы, присущие прежним моделям модернизации.

Суровым испытанием для Аргентины стал мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. Анализ основных аспектов, равно как непосредственных результатов антикризисной политики Буэнос-Айреса, завершает проведенное в книге исследование, позволившее автору сформулировать основные выводы, предложить сценарий развития страны на среднесрочную перспективу и выдвинуть собственную интерпретацию «аргентинской загадки».

I

Сто лет в мировой экономике и политике (1880—1980-е гг.)

В начале XX века никто не сомневался в том, что Аргентина – страна будущего.

К 1980 году все считали, что если существует прототип нации, потерпевшей провал, то это – Аргентина.

Пол Э. Самуэльсон

Я путешествовала по Европе, там кругом один антиквариат.

*Будущее – за Аргентиной Перона.
Эва Перон*

Более ста лет Аргентина принадлежит к классу крупнейших хозяйственных систем Латинской Америки, во многом задает тон в политической и экономической жизни государств региона. За этот период аргентинская нация прошла сложный путь, отмеченный аутентичными экспериментами, впечатляющими экономическими взлетами и разочаровывающими падениями. Как констатировал видный аргентинский историк и экономист Марио Рапопорт, Аргентина –

«парадоксальная страна». И пояснил: располагая огромными и высококачественными природными и людскими ресурсами, Аргентина, несмотря на все попытки, не сумела консолидировать свою экономику на современных основах, что подразумевает высокую степень индустриализации и сравнительно равное распределение доходов¹².

Отсутствие консолидации обусловило неравномерность хозяйственного развития и все более осязаемое падение роста ВВП на протяжении рассматриваемого периода. В период 1870–1914 гг. ВВП Аргентины рос на 5,61 % в год, тогда как у Канады этот показатель составлял 3,77, у США – 3,66, у Австралии – 3,35 %. В 1930–1945 гг. ситуация выглядела уже совсем иначе: Аргентина – 2,18 %, Канада – 3,82, Австралия — 3,51, США – 5,21 %¹³. Во второй половине прошлого столетия положение продолжало ухудшаться. В течение 30 лет (1959–1989 гг.) было зафиксировано 11 случаев абсолютного падения аргентинского ВВП, т. е. экономика сокращалась практически раз в три года¹⁴.

Одним из факторов, воспрепятствовавших поступательному экономическому развитию страны, стала хроническая политическая нестабильность, которой была отмечена аргентинская история большую часть XX века. Частые смены правивших режимов не позволяли сохранять принципиальные установки хозяйственной политики сколько-нибудь длительное время, провоцировали резкие (часто неоправданные)

перемены экономического курса. Макроэкономические результаты не замедлили сказаться. Если в 1952 г. душевые ВВП (по паритету покупательной способности) Аргентины, Франции и Германии находились примерно на одном уровне и составляли соответственно 6 тыс., 6,8 тыс. и 5,5 тыс. дол., то в 1990 г. аргентинский показатель вырос до 10 тыс., тогда как французский и германский превысили 20 тыс. дол. Таким образом, в 1952–1990 гг. ВВП на душу населения в Аргентине в среднем в год рос на 1 %, во Франции – на 3,1 %, а в Германии – на 3,7 %¹⁵. По оценке аргентинских экономистов Мигеля Брауна и Лукаса Лача, Аргентина в указанный период стала «примером застоя»¹⁶.

Глава 1

От аграрной специализации к индустриальному обществу

Когда индустриальные страны не обеспечивали себя продовольствием, Аргентина была аграрной Саудовской Аравией.

Родольфо Терраньо, аргентинский государственный деятель

Восход и закат «золотого века».

Первая волна модернизации

Аргентинская Республика формировалась как самостоятельная нация в середине XIX в. после Майской революции 1810 г., провозглашения в 1816 г. независимости провинций Ла-Платы от владычества испанской короны и в ходе длительных и ожесточенных междоусобных войн. Крупным шагом к сплочению нации и созданию современного независимого государства явилось принятие в 1853 г. национальной конституции буржуазно-демократического толка, заложившей правовую основу всего дальнейшего процесса политического и социально-экономического развития страны.

Кардинальной проблемой молодой южноамериканской

нации была ее изначальная хозяйственная слабость⁴, обусловившая, в частности, высокую степень финансовой зависимости от наиболее развитых государств того времени, в первую очередь от Англии. Многие аргентинские исследователи, даже придерживающиеся противоположных политических взглядов, солидарны в том, что их родина чуть ли не с самого рождения оказалась посаженной на долговую иглу. И такие утверждения не лишены веских оснований. В 1824 г., т. е. всего через восемь лет после провозглашения независимости, власти Буэнос-Айреса взяли у английского банка «Бэринг Бразерс» свой первый международный заем в размере 1 млн фунтов стерлингов (на тот момент – эквивалент 8 т золота) из расчета 6 % годовых и со сроком погашения в 27 лет. Причем из-за жестких условий соглашения и непомерных комиссий посредников в страну реально поступило немногим более половины номинальной суммы кредита – 570 тыс. фунтов, да и эти средства были потрачены не по назначению (создание хозяйственной инфраструктуры), а на финансирование военных действий против Бразилии. В результате уже в 1828 г. власти молодой республики оказались неплатежеспособными и объявили первый в истории Аргентины дефолт по суверенным долгам¹⁷.

Официальный Буэнос-Айрес сохранял мораторий на платежи «Бэринг Бразерс» вплоть до 1857 г., когда было подпи-

⁴ В 1810 г. на долю Аргентины приходилось лишь 3 % совокупного ВВП стран Латинской Америки.

сано соглашение о реструктуризации задолженности, и возобновились платежи по ее обслуживанию, продолжавшиеся до 1904 г. За это время должник перечислил кредитору суммы, равнозначные почти 5 млн фунтам стерлингов (эквивалент – 38 т золота)¹⁸. Таким образом, **был дан старт длительной и полной драматических эпизодов долговой истории Аргентины.**

Новая хозяйственная структура страны начала складываться в середине и второй половине XIX в. под влиянием меняющихся внутренних и внешних факторов. Важнейшее значение имела колонизация обширных территорий, вошедшая в историю как «завоевание пустыни». На землях, отвоеванных у коренных жителей (большинство которых было физически уничтожено), создавались огромные поместья, специализировавшиеся, главным образом, на производстве говядины и выращивании зерновых и масличных культур: пшеницы, кукурузы, льна, подсолнечника, сорго. Мощным стимулом быстрого расширения аграрного сектора был возникший высокий спрос на продовольствие на мировом рынке, прежде всего в странах Европы, ставших основными покупателями товаров с берегов Ла-Платы. Вплоть до 30-х гг. XX в. на мясо и зерновые приходилось порядка 95 % всего аргентинского экспорта¹⁹.

В отличие от США, Канады или Австралии, где аграрный сектор развивался на базе фермерских хозяйств, в Аргентине главную роль играли именно крупные поместья-ла-

тифундии. На владения свыше 1000 га приходилось около 80 % всех сельскохозяйственных угодий. В результате средняя площадь земельного участка в Аргентине составляла 360 га, тогда как в Австралии – 70, а в США немногим превышала 50 га²⁰. Подобная концентрация земельного богатства имела значение не только с точки зрения экономических интересов, но и в плане социально-политической эволюции аргентинского общества. На протяжении десятилетий сравнительно немногочисленная группа земельных олигархов играла непомерно большую роль в жизни страны, стремилась направить ее развитие в узкое русло собственных интересов, неоднократно напрямую или через своих союзников в политических партиях, вооруженных силах, интеллектуальном сообществе вмешивалась в ход событий, устраняя неугодные правительства и блокируя решения, невыгодные хозяевам аграрного сектора. С другой стороны, основной массой сельскохозяйственных производителей были не мелкие собственники земли, а арендаторы, составившие впоследствии ядро аргентинского среднего класса, и наемные работники. Именно эти две категории граждан длительное время образовывали большую часть экономически активного населения (ЭАН)²¹.

В последние десятилетия XIX в. и в первой четверти XX в. экономическая экспансия в Аргентине почти исключительно основывалась на сравнительных преимуществах наиболее богатых земледельческих районов страны – так

называемой **Влажной пампы** (провинции Буэнос-Айрес, Кордова, Санта-Фе, Энтре-Риос). Высочайшее плодородие этих земель, соединенное с относительно низкими затратами на другие факторы производства, позволило аргентинским помещикам-латифундистам превратиться в крупных производителей сельскохозяйственной продукции, успешно конкурировавшей на мировых рынках, а сама страна стала главным поставщиком мяса⁵ (говядины) и стремительно ворвалась в число ведущих экспортеров зерновых (см. табл. 1.1).

Таблица 1.1

Ведущие страны – экспортеры зерновых (тыс. т)

1881 г.	1910 г.
1. Россия — 8600	1. США — 7600
2. США — 3900	2. Россия — 7200
3. Румыния — 1700	3. <i>Аргентина</i> — 4200
4. Австралия — 600	4. Румыния — 3200
5. Канада — 500	5. Канада — 1400
6. <i>Аргентина</i> — 300	6. Австралия — 900

Источник. *Raportl M. y colaboradores. Historia económica, política y social de la Argentina (1810–2000). Buenos Aires, 2004. P. 75, 76.*

⁵ Экспорт мяса вырос с 25 тыс. т в 1900 г. до 145 тыс. т в 1910 г. (почти в 9 раз) // *Cortes Conde R. La economía política de la Argentina en el siglo XX. Buenos Aires, 2005. P. 29.*

Таким образом, с макроэкономической точки зрения аргентинское сельское хозяйство оказалось высоко факторонасыщенной отраслью. Именно благодаря этому и в соответствии с теоремой Хекшера – Олина Аргентина на рубеже XIX–XX вв. быстро наращивала экспорт некоторых востребованных в мире видов аграрной продукции, т. е. тех фактороинтенсивных товаров, для выпуска которых у нее образовались относительно избыточные факторы производства, прежде всего суперплодородная земля и сравнительно обильная конкурентоспособная рабочая сила.

К 1880 г. завершился процесс национальной организации Аргентины как государства: сформировалась регулярная армия, была введена единая денежная единица, Буэнос-Айрес стал столицей объединенной страны, власть сконцентрировалась в руках первого общенационального и конституционного правительства. В 1890 г. образовалась первая политическая, и при этом оппозиционная, партия национального масштаба – **Гражданский радикальный союз (ГРС)** и произошла подлинная политическая революция (так называемая «*Парковая революция*»), серьезно ослабившая позиции консервативных сил, до того момента доминировавших в общественной жизни.

На рубеже веков в Аргентине сложилась так называемая модель «**Стимулируемого экспортом экономического роста**» (**The export led growth model**),

что предполагало поддержание сравнительно низкого, но стабильного обменного курса национальной валюты, позволявшего обеспечивать конкурентоспособность аргентинской продукции на внешних рынках и тем самым «подстегивать» внутренний рост производства торгуемых товаров. Подобно другим государствам того времени, активно участвовавшим в мировой торговле и «первом раунде» процессов глобализации, Аргентина в 1883 г. окончательно присоединилась к системе **«золотого стандарта»** и в 1899 г. ввела валютно-финансовый механизм *«Кассы конвертации»* (*Caja de Conversion*), ставший, как писал обозреватель испанского экономического издания «Синко диас» Анхель Хосами, «историческим символом аргентинского процветания»²². В функции «Кассы конвертации» входила денежная эмиссия, которой до этого момента занимались отдельные коммерческие банки, а также сохранение (путем купли-продажи золота) фиксированного обменного курса национальной валюты – *песо*. Стержнем финансовой системы стал свободно конвертируемый в драгоценный металл *«золотой песо»*²³, стоимость которого по отношению к бумажному песо составляла 1:2,27, а золотое содержание по закону равнялось 1,6129 грамма.

Благоприятные внешние условия и стабильная денежная система обеспечили **беспрецедентно высокие темпы роста** экспорта и экономики в целом, составившие в период 1900–1914 гг. в среднем соответственно 7,5 и 6,3 % в

год. Весьма убедительно выглядят и статистические данные, охватывающие значительно более длительный исторический отрезок времени. Экспорт сельскохозяйственных товаров⁶ стал платформой хозяйственного восхождения Аргентины, продолжавшегося в течение 50 лет: с 1880 по 1930 г. Интересно отметить, что в 1882 г. был поставлен абсолютный рекорд в аргентинской истории роста валового внутреннего продукта – 25,9 %. В целом же в указанный период ВВП в неизменных ценах вырос в 13 раз, а душевой продукт – почти в 3 раза (см. табл. 1.2). Такие темпы в мировой истории знали считанные страны.

Таблица 1.2

Динамика основных макроэкономических показателей (1880–1980 гг.)

⁶ На международных рынках реализовывалось до 75 % всего объема сельскохозяйственной продукции. Страна, по существу, работала на экспорт // *Ferrer A. La economía argentina. Desde sus orígenes hasta principios del siglo XXI. Buenos Aires, 2004. P. 131.*

Показатель	1880 г.	1900 г.	1910 г.	1930 г.	1950 г.	1980 г.
Население (тыс. чел.)	2560	4693	6770	11936	17150	28094
ЭАН (тыс. чел.)	—	—	3294	4281	6438	8997
ВВП (млн дол.)	3411	11891	24001	44606	78587	207011
Душевой ВВП (дол.)	1332	2589	3545	3737	4582	7369
Экспорт (млн дол.)	56	152	374	509	1168	8021
Импорт (млн дол.)	44	112	364	613	1045	10541
Валютные резервы (млн дол.)	—	—	496	711	552	7288
Госдолг (млн дол.)	83	441	437	809	1000	21737

Подсчитано по: Dos siglos de economia Argentina (1810–2004). Buenos Aires, 2005. P. 127, 128, 183–185, 526, 590, 591. ВВП дан в постоянных ценах 1993 г., госдолг, валютные резервы, экспорт и импорт – в текущих ценах.

Исключительное плодородие земель Влажной пампы, быстрый рост производства зерна (см. табл. 1.3), а также увеличение поголовья скота²⁴ обеспечили латифундистам получение добавочного продукта, составлявшего материальную основу избыточного чистого дохода в виде *дифференциальной ренты*. Такие поступления при иных обстоятельствах могли быть инвестированы в развитие национальной промышленности. В Аргентине этого не произошло.

Таблица 1.3

Производство основных сельскохозяйственных культур (тыс. т)

Культура	1880 г.	1900 г.	1910 г.	1930 г.	1950 г.	1970 г.	1980 г.
Пшеница	845	2767	3566	4425	5144	7020	8100
Кукуруза	2240	1413	4450	7128	836	9360	6400
Лен	—	225	1276	2117	676	640	743
Подсолнечник	—	—	—	2	712	1140	1650
Соя	—	—	—	—	—	27	3500

Составлено по: Dos siglos de economía argentina (1810–2004). P. 265–274.

Дифференциальная земельная рента в своей массе использовалась на индивидуальное потребление и не обеспечивала необходимого макроэкономического эффекта. Самым очевидным результатом богатства, полученного от сельскохозяйственного экспорта, было строительство дворцов «новых аргентинцев», их помпезные и расточительные поездки в Европу²⁵ и превращение Буэнос-Айреса в одну из наиболее респектабельных столиц мира.

По многочисленным свидетельствам очевидцев, уже в начале XX в. Буэнос-Айрес, служивший главными морскими воротами в страну, буквально поражал приезжавших туда европейцев, поскольку мало чем уступал Парижу, Лондону, Риму или Мадриду. Как писал известный государственный деятель Жорж Клемансо (премьер-министр Франции в 1906–1909 и 1917–1920 гг.), побывавший в Аргентине в 1910 г., Буэнос-Айрес произвел на него впечатление «вели-

кого европейского города»²⁶. И таких оценок в мемуарной литературе можно встретить немало. Все говорило о том, что Аргентинская Республика, только что отметившая первый столетний юбилей Майской революции, переживала в известном смысле «золотой век».

Страница истории

Начало XX века: русский взгляд на Аргентину

Обратимся к упомянутой выше фундаментальной книге Н.А. Крюкова «Аргентина. Сельское хозяйство в Аргентине в связи с общим развитием страны» (Петербург, 1911 г.), предоставляющей обильную информацию, что называется, из первых рук о положении в стране и тенденциях развития аргентинской экономики.

Автор обращает внимание на интенсивное железнодорожное строительство и отмечает, что на Американском континенте Аргентина по протяженности железных дорог (свыше 25 тыс. км) уступает только США, но далеко превосходит такие крупнейшие страны, как Бразилия (16,8 тыс. км) и Мексика (15,6 тыс. км). Напоминая, что первая железная дорога была построена аргентинцами в 1857 г., Н.А. Крюков пишет: «Железная дорога явилась в Аргентине тем могучим рычагом, посредством которого могли проявиться во всей мощи производительные силы страны...» (с. 72).

Отмечая экономические и внешнеторговые успехи арген-

тинских производителей, ученый приводит следующие данные. С 1900 по 1909 г. объем экспорта мороженого мяса возрос в 12 раз, а по стоимости – в 13,5 раза (с. 137). При этом главным потребителем основных товаров аргентинского экспорта являлась Англия, на долю которой приходилось почти 100 % вывозимых мясных продуктов, порядка 55 % кукурузы, 40 % пшеницы, 20 % льна (с. 140, 337). Именно за английский рынок зерновых между Аргентиной и Россией развернулась острая конкурентная борьба, проходившая с переменным успехом. Например, в 1908 г. в английском импорте пшеницы российская доля составила 5 %, а аргентинская – почти 35 %, тогда как в 1910 г. ситуация существенно изменилась: на российское зерно пришлось 27,5 % английского ввоза, а на аргентинское – менее 15 % (с. 386).

Размышляя не только о текущем международном соперничестве двух стран, но и о потенциальных возможностях российско-аргентинского торгово-экономического сотрудничества, Н.А. Крюков писал: «В Аргентине почти все машины и орудия привозные, главным образом из Соединенных Штатов и Англии; на месте делаются лишь самые простейшие орудия и то в ограниченном количестве» (с. 362). Из этого обстоятельства ученый делал обоснованный вывод, что Россия могла бы поставлять в Аргентину достаточно широкий ассортимент товаров, включая промышленные: локомотивы, железнодорожные вагоны, мосты, рельсы и шпалы, разнообразные ювелирные изделия,

текстиль и швейную продукцию, алкогольные напитки, табачные изделия, древесину мягких пород (с. 132).

Судя по всему, на ученого большое впечатление произвел уровень жизни аргентинцев. Так, давая подробное описание столицы страны, автор констатировал: «Все улицы и тротуары замечательно гладки... Освещение всюду электрическое и ночью улицы и площади залиты массой света. Кроме прекрасных мостовых и освещения в Буэнос-Айресе всюду имеется хорошая вода, канализация и дешевые и быстрые сообщения, удобные писсуары. Одним словом, приехавши в Буэнос-Айрес, сразу видите, сколько здесь сделано для удовлетворения первичных нужд горожан» (с. 78).

Российский ученый обратил внимание и на характерные черты формировавшегося национального характера жителей Аргентины, многие из которых уже к тому времени были иммигрантами, приехавшими на берега Ла-Платы в поисках заработков. «Аргентинцы любят свою страну, но любят по-своему. Они любят ее как землю, дающую им материальные блага. Однако это имеет и неприятную сторону – стремления духовные, интеллигентные как-то заслонены этой всеобщей погоней за материальными благами» (с. 84).

Сравнительно высокий уровень жизни (разница в заработной плате в Аргентине и, например, в Италии в отдельные годы превышала 100 % (см. рис. 1.1), обширная территория, политика правительства, поощрявшего иммиграцию, – все

это способствовало превращению страны в одно из главных направлений «великого переселения народов» в конце XIX – начале XX в. Наряду с США и Канадой Аргентина была главным реципиентом иммигрантов на Американском континенте. По имеющимся данным, в 1857–1914 гг. на берега Ла-Платы прибыло 3,3 млн. человек, главным образом из стран Европы: Италии, Испании, Германии, Российской империи, Австро-Венгрии. Значительно меньшее число иммигрантов было из государств Ближнего и Среднего Востока, практически отсутствовали переселенцы из Китая и Индии. К началу XX в. иммигранты составляли до 40 % всего аргентинского населения. Они образовали костяк промышленного пролетариата, значительную часть предпринимательского класса, а в отдельных сельскохозяйственных районах страны стали инициаторами возделывания новых аграрных культур.

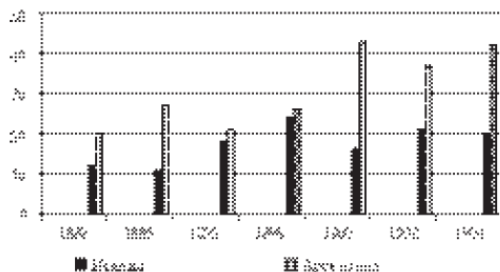

Рис. 1.1. Средний уровень заработной платы в Италии и Аргентине (в условных единицах)

Источник. *Coïies Conde R.* La economia politica de la Argentina en el siglo XX. Buenos Aires, 2005. P. 37.

Иммигранты из стран Европы (среди них было немало членов различных политических партий и синдикалистских организаций) сыграли заметную роль не только в хозяйственном развитии, но и в становлении политической системы Аргентины. Здесь раньше, чем в большинстве латиноамериканских стран, возникли современные партии, профсоюзные центры, институты гражданского общества. Вслед за образованием партии ГРС, по настоящее время играющей роль одной из основных политических общенациональных организаций⁷, в 1896 г. возникла *Социалистическая партия Аргентины*, являвшаяся членом II Интернационала. В стране распространялись передовые для того времени социальные и экономические идеи.

По мнению социолога Мануэля Моро и Араухо, формула мощного экономического роста Аргентины в начале XX в. представляла собой комбинацию нескольких базовых факторов: либеральная конституция, стремление общества к модернизации, его склонность к восприятию современных научных идей и макроэкономический здравый смысл основных хозяйствующих субъектов. На этой основе в стране бы-

⁷ Придя к власти в 1916 г., правительство ГРС ввело в стране 8-часовой рабочий день и 48-часовую рабочую неделю, национализировало нефтяные месторождения.

ло достигнуто национальное единство, сложилась государственность, эффективно защищались права собственности, поощрялось развитие образования, приветствовалась трудовая иммиграция²⁷. Благодаря всему этому **в первой четверти XX в. Аргентина являлась одной из самых открытых и либеральных общественных систем в мире.** Схожей точки зрения придерживается и экономист Роберто Качаноски. Он пишет: «Либеральная философия нашего Основного закона была одним из главных инструментов того впечатляющего роста, который Аргентина продемонстрировала в период 1880– 1930-х годов. Руководствуясь силой закона, правительство превратилось в гаранта соблюдения прав личности и высвободило творческие силы граждан, которые могли заниматься любым видом предпринимательской деятельности»²⁸.

В то же время аргентинская **агроэкспортная модель** имела свои слабые стороны. Как отмечал Хорхе Тодеска (он занимал посты заместителя министра экономики и вице-президента Банка провинции Буэнос-Айрес), производственная система начала XX в. «покоилась на глиняных ногах»²⁹. О чем шла речь? Прежде всего о структуре земельной собственности – основе экономического богатства. Слишком большая часть угодий находилась в руках сравнительно узкой группы крупнейших латифундистов, которые сдавали земельные участки в наем непосредственным работникам

– арендаторам. Возможности последних наращивать производительность труда были ограниченными по двум главным причинам. *Во-первых*, не являясь собственниками земли, арендаторы не могли ее заложить и получить кредит для развития производства. *Во-вторых*, по той же причине (отсутствие прав собственности) арендаторы опасались вкладывать свои средства, если таковые имелись, в приобретение более совершенных орудий труда, удобрений и т. д., что ощутимо замедляло технический прогресс в аграрном секторе Аргентины по сравнению, например, с Австралией, США и Канадой.

В нарождавшемся научном сообществе³⁰ и в продвинутой части политического класса отчетливо понималась настоятельная необходимость диверсификации экономики и развития национальной индустрии. Еще в 1906 г. *Карлос Пеллегрини* (президент страны в 1890–1892 гг. и основатель **Банка аргентинской нации** (БАН) – местного аналога Национального банка) писал, что «современное государство не должно основываться исключительно на животноводстве и производстве зерновых. Не может быть великой страна, которая не является промышленной державой. Аргентинской Республике следует стремиться к тому, чтобы не служить только огромной фермой для Европы»³¹.

Процесс индустриализации Аргентины в его исторической ретроспективе до настоящего времени остается объектом научных и политических дискуссий. С одной стороны,

по сравнению с соседними латиноамериканскими государствами страна добилась значительно более весомых результатов в промышленном и научно-техническом отношении, развитии хозяйственной инфраструктуры. Так, число промышленных предприятий в период 1895–1914 гг. выросло более чем вдвое: с 23 до 49 тыс., параллельно сложилась развитая банковская система, протяженность железных дорог возросла с 732 км в 1870 г. до 33 510 км в 1914 г.³² Но с другой – все усилия в этом направлении не приводили к сколько-нибудь заметному сокращению исторически сложившегося научно-технического и технологического отставания от передовых индустриальных держав, на которые Буэнос-Айрес стремился «равняться». Оценивая состояние промышленности накануне Первой мировой войны, экономист Адольфо Дорфман отмечал, что «и в 1913 г. индустрия Аргентины все еще оставалась на элементарном уровне, подобном тому, который наблюдался в 1895 г., и тащилась на буксире у аграрного сектора»³³. В данной связи нам представляется, что не следует переоценивать количественные, а главное – качественные результаты аргентинского индустриального развития в конце XIX – первой трети XX в.

Разумеется, в быстро растущей стране, прочно привязанной к мировым рынкам, промышленность просто не могла не возникнуть и не приобрести известную динамику. Но речь шла в основном о мясохладобойнях, пивных производствах, железнодорожных мастерских и т. п. В целом же ар-

гентинский процесс индустриализации на его первом этапе (до 1914 г.) носил весьма специфический характер и имел целый ряд серьезных проблем и изъянов. Отметим наиболее существенные.

1. Индустриальное развитие не изменило преимущественно аграрной направленности и специализации аргентинской экономики. К 1914 г. доля сельского хозяйства в ВВП составляла 32,5 %, а обрабатывающей промышленности – только 11,5 %³⁴.

2. В стране сложилась индустриальная структура, при которой лидирующие позиции заняли легкая и пищевая отрасли, тогда как производство оборудования и машин, включая сельскохозяйственную технику, не получило должного развития, и растущий внутренний спрос практически полностью удовлетворялся за счет импорта. Например, в 1891–1910 гг. страна ввезла 11,5 тыс. молотилок и 199,5 тыс. зерновых комбайнов. Поразительно, но факт: в связи с интенсивным дорожным строительством в Аргентину импортировались целиком в комплекте железнодорожные вокзалы³⁵.

3. Многие командные высоты в промышленности (и в экономике в целом) захватили иностранные, прежде всего европейские, компании, на долю которых в 1913 г. приходилось 50 % совокупного капитала. В ряде отраслей иностранный контроль был почти абсолютным. Например, железные дороги на 85 % принадлежали британским банкам и фирмам, узкая группа международных корпораций («Бунге и Борн»,

«Луи Дрейфус», «Вейл») контролировали 75 % экспорта пшеницы и кукурузы и 90 % экспорта льна. За контроль над вывозом мяса развернулась бескомпромиссная борьба между английскими и американскими компаниями. В целом на Аргентину приходилось 33 % общего объема зарубежных инвестиций в Латинскую Америку³⁶.

4. Обращает на себя внимание и *сверхконцентрация* аргентинской экономики и ее индустриального сектора: в 1914 г. 150 предприятий обеспечивали 50 % всего производства в стране. В результате класс местной промышленной буржуазии оставался сравнительно немногочисленным, а его вес в обществе – ограниченным, что имело серьезные социальные и политические последствия.

5. З.И. Романова отметила еще одну важную особенность промышленного развития Аргентины – его «очаговый характер»³⁷. Индустриализация не распространилась на все отрасли хозяйства и не охватила всю территорию страны. Предприятия создавались в основном в зоне Пампы, прежде всего в прибрежных районах. В то же время многие «внутренние» провинции с экономической точки зрения как бы остановились во времени.

Особенности индустриализации и в целом сложившейся в стране экспортно-сырьевой модели хозяйствования обусловили *структурную уязвимость* экономики, ее повышенную восприимчивость как к перепадам конъюнктуры мирового рынка, так и к капризам погоды, от которой во многом зави-

сел урожай зерновых. Так, сильнейший неурожай пшеницы в 1914 г. (сбор упал с 5,8 млн т в 1913 г. до 2,8 млн т)³⁸ фактически «обрушил» деловую активность.

С уязвимостью экспортно-сырьевой структуры аргентинской экономики связано еще одно обстоятельство. Подобная модель в условиях периодической нехватки внутренних инвестиционных ресурсов априори предполагала дополнительное внешнее финансирование. Конец XIX – начало XX в. стали периодом постоянного увеличения суверенной внешней задолженности Буэнос-Айреса и расходов по ее обслуживанию. Вот показательные цифры. Если в 1881–1883 гг. платежи по внешнему долгу составили 47 млн золотых песо, то в 1911–1913 гг. они выросли почти в 9 раз, достигнув 419 млн золотых песо, или около 33 % всех экспортных поступлений³⁹. В те годы в стране неоднократно возникали серьезные финансовые трудности, и только чудом удавалось избегать официального дефолта. Однако на практике аргентинские власти не раз прекращали – полностью или частично – долговые платежи и в связи с этим испытывали политическое давление со стороны зарубежных кредиторов.

Во время Первой мировой войны Аргентина оказалась отрезанной от международных кредитных рынков и вернулась к практике внешних заимствований лишь в 1924 г., разместив на финансовой площадке Нью-Йорка заем на сумму 60 млн золотых песо. За этим последовали новые соглашения, причем к зарубежным займам, наряду с центральным

правительством, стали все чаще прибегать власти отдельных провинций и городов, которые таким образом восполняли дефициты своих бюджетов. Как с иронией отмечал в те годы американский исследователь Гарольд Петерс, «...внешние заимствования отражали стремление местных политиков быстро получить деньги и оставить проблему платежей в наследство своим преемникам»⁴⁰.

В военные и послевоенные годы правительство радикалов во главе с *Иполито Иригойеном* (президент в 1916–1922 и в 1928–1930 гг.) под нажимом промышленных кругов существенно (до 25–30 %) повысило таможенные пошлины. Эта мера стимулировала национальное промышленное производство и послужила первым сигналом начала нового этапа экономического развития, принявшего форму **политики импортозамещения**, которая придавала дополнительный импульс хозяйственному росту Аргентины, закрепив ее в числе наиболее преуспевающих государств мира.

Влиятельный в тот период экономист Алехандро Бунхе в книге «Экономика Аргентины» привел интересные данные, характеризовавшие ситуацию в стране в первой половине 20-х годов прошлого века. Вот некоторые из них. В 1923 г. свыше 50 % внешнеторгового оборота *всех* латиноамериканских стран приходилось на Аргентину (для сравнения: на Бразилию – 18 %, на Чили – 10 %). Из 88 тыс. км железных дорог, проложенных в Южной Америке, более 47 % находились на аргентинской территории, и по ним перевозилось

60 % грузов и 57 % пассажиров. В том же году в южноамериканских государствах насчитывалось 349 тыс. телефонных линий, из которых 157 тыс., или 45 %, приходилось на Аргентину. В 1924 г. автомобильный парк Южной Америки составил 214 тыс. машин, причем 58 % – принадлежали аргентинцам. По данным международного статистического бюро в Женеве, в 1924 г. на Аргентину пришлось 60 % всех почтовых отправок Южноамериканского региона. По этому показателю на душу населения (172 в год) страна занимала первое место в мире, превосходя самые развитые державы – США (152), Великобританию (141), Францию (129), Германию (70), Италию (47). В Аргентине издавалось 55 % всех газет и журналов Южной Америки, а тираж ведущей аргентинской газеты того времени «Ла Насьон» превосходил суммарный тираж периодических изданий в любом из южноамериканских государств⁴¹. Такого рода факты ясно говорят не только о количественном отрыве Аргентины от основного массива латиноамериканских стран, но и о качественно более высоком уровне развития аргентинской нации в тот период.

В условиях кризисных потрясений 1929–1933 гг. драматически совпали две тенденции и обе – негативные с позиций интересов Аргентины. *Во-первых*, упал спрос на продукты традиционного аргентинского экспорта: их объем сократился с 1 015 млн дол. в 1928 г. до 331 млн дол. в 1932 г., что стало самой низкой точкой падения. *Во-вторых* (и в зна-

чительной степени как следствие первого), резко сократились поставки из-за рубежа промышленных изделий, включая оборудование и технику.

«Золотой век» аргентинской экономики явно и неотвратно подходил к концу. Одновременно теряла силу и первая волна модернизации сложившихся в стране хозяйственных и социально-политических структур (см. табл. 1.4).

Таблица 1.4

Модернизация в рамках модели экспортоориентированной аграрной экономики (первая волна, конец XIX – начало XX в.)

1	Главные предпосылки	Исключительное плодородие почв, колонизация земель, возникновение крупных хозяйств, принятие буржуазно-демократической конституции 1853 г.
2	Внутренние условия	Накопление первоначального капитала, рост аграрной буржуазии и класса арендаторов, создание транспортной инфраструктуры, массовый приток иммигрантов
3	Внешний контекст	Высокий мировой спрос на продовольствие, развитие международной торговли, система «золотого стандарта», масштабный вывоз предпринимательского и финансового капитала
4	Движущие силы	Земельная олигархия, иностранные компании и банки
5	Отрасли-локомотивы	Производство и экспорт зерновых, мясохладобойная промышленность, железнодорожный транспорт
6	Экономические характеристики	Рекордный рост ВВП и внешней торговли, страна в числе самых богатых государств мира, низкий уровень развития базовых отраслей индустрии, сильная зависимость от перепадов мировой конъюнктуры
7	Валютно-финансовая ситуация	Валютные резервы превышают объем госдолга, действует режим свободной конвертации национальной денежной единицы
8	Социальное положение	Обеспечение почти полной занятости, высокий уровень реальных доходов значительной части населения
9	Политические контуры	Формирование политических партий и профсоюзных объединений, сохранение конституционного режима
10	Конечные результаты	Утверждение аграрно-экспортной модели, промышленно-технологическое отставание, рост противоречий между аграрным и индустриальным секторами, ухудшение условий внешней торговли, прямое вмешательство военных в политику

Интеллектуальная элита, крупный сегмент местного бизнес-сообщества, часть политического класса видели выход из создавшегося положения на путях ускоренной индустриализации и форсированного замещения импорта отечественной промышленной продукцией и потому призывали к проведению политики «здорового и рационального протекцио-

низма».

Как отмечал А. Бунхе, «у Аргентины есть рынок, который она может завоевать. Это – ее внутренний рынок, снабжаемый до настоящего времени за счет закупок за рубежом на огромную сумму – 800 млн долларов»⁴².

Импортозамещение и госкапиталистические тенденции

Переход к индустриальному этапу развития аргентинской экономики, постепенно сменившему эпоху доминирования аграрного сектора и приоритетного значения внешних рынков, начинался в острой политической борьбе основных группировок аргентинской сельскохозяйственной олигархии и промышленной буржуазии (*Аргентинское аграрное общество, Торговая палата, Аргентинский индустриальный союз*) против правительства радикалов, вновь возглавляемого И. Иригойеном. В августе 1930 г. властям был направлен меморандум, в котором бизнес-сообщество сформулировало свои основные претензии. От правительства настоятельно требовали: выделения государственных субсидий аграрному сектору, усиления защиты местной промышленности от иностранной конкуренции, восстановления механизма «Кассы конвертации», отмененного в годы войны.

Президент проигнорировал выдвинутые требования (в значительной степени из-за физической невозможности их

выполнить «в пакете») и уже 6 сентября того же года был свергнут военными под руководством генерала *Хосе Урибуру*, лично занявшего пост главы государства. Тем самым **Аргентина вступила в принципиально новый период своей политической истории**. Он длился больше полувека – вплоть до 1983 г. и сопровождался неоднократными военными переворотами, нарушениями конституции и подавлением демократических прав и свобод. «Переворот 6 сентября 1930 года... означал колоссальный шаг назад в процессе расширения демократии, начатом в 1916 году. А приход в правительство наиболее консервативных кругов под корень подрезал саму возможность дискуссии о модели экономического развития страны и формах ее участия в складывавшемся новом мировом порядке», – констатировал Х. Тодеска⁴³.

Действительно, изменение основных параметров аргентинской модели было замедлено. В системе международного разделения труда страна оставалась поставщиком сельскохозяйственной продукции, но внутри аргентинского общества происходили глубинные процессы, готовившие будущую смену парадигмы развития. В экономическом смысле Аргентина вставала на рельсы индустриального развития, но сам этот исторически обусловленный и закономерный тренд носил ограниченный и далеко не всегда и не во всем последовательный характер⁴⁴. Рассмотрим это положение на конкретном примере.

В Аргентине происходило планомерное усиление

роли и прямого участия государства в экономике. Но необходимо пояснить содержательную сторону государственного вмешательства в хозяйственную жизнь, которое в 30-е годы прошлого века стало приобретать все более широкий размах. Участие государства в экономике, прежде всего, выражалось в учреждении ряда регулирующих органов (отраслевых «хунт»), которые определяли базовые цены на основные сельскохозяйственные товары, закупали готовую продукцию, а затем реализовывали ее на внешнем или внутреннем рынке. Целью этой практики было оградить местных сельхозпроизводителей от резких перепадов мировых цен и обеспечить им приемлемую рентабельность вне зависимости от складывающейся рыночной конъюнктуры. Нередко те цены, которые устанавливали отраслевые «хунты», превышали рыночный уровень, что вполне устраивало аграриев, но ложилось бременем на федеральный бюджет. По существу, правительство напрямую субсидировало сельское хозяйство, зачастую в ущерб другим секторам экономики. Кроме того, БАН через свои многочисленные отделения, разбросанные по всей стране, кредитовал посевные кампании, действуя, таким образом, в качестве финансового агента отраслевых регулирующих органов. Одновременно государство внимательно следило за динамикой развития аграрного сектора и стремилось не допустить такого перепроизводства продукции, которое могло вызвать падение цен. Причем во многих случаях власти не стеснялись приме-

нять жесткие меры в отношении нарушителей установленных правил. Например, дополнительные площади, введенные в производственный оборот, облагались повышенными налогами. Вместе с тем (и это разительно отличало отраслевые «хунты» от подобных регулирующих органов, например, в Австралии) аргентинские власти долгое время не уделяли никакого внимания инновационному развитию сельскохозяйственного производства, его техническому перевооружению. Тем самым тормозился хозяйственный прогресс не только данной отрасли, но и – с учетом ее удельного веса – национальной экономики в целом.

Все сказанное выше стало возможным благодаря сохранению у власти в Аргентине консервативных сил, выражавших, главным образом, интересы довольно узкого, но крайне могущественного и влиятельного круга крупнейших латифундистов. Однако сама логика общественной эволюции страны обусловила неизбежные (хотя и замедленные) экономические и социальные трансформации. Они неотвратимо происходили и ставили в повестку дня вопрос об изменении вектора хозяйственного и политического развития, причем ставили его во вполне определенной плоскости – форсирование индустриального роста, усиление роли промышленных отраслей и связанных с ними социальных сил. Начиная с 1930-х гг. в стране разворачивается концептуальное и политическое противостояние аграрного и промышленного секторов, затянувшееся на многие десятилетия. Речь, по су-

щество, шла о дальнейших путях развития страны, и в этот конфликт, принимавший самые разные формы и носивший, во многом контрпродуктивный характер, оказалось, так или иначе, втянуто все общество. Как писал экономист Карлос Ф. Диас Алехандро, «в мире очень мало стран, где столкновение интересов сельского хозяйства и индустрии было таким ожесточенным, продолжительным и бесплодным, как в Аргентине»⁴⁵. *Конфликт между аграриями и промышленниками лежал в основе многих общественных пертурбаций и не позволял сформулировать выверенную и сбалансированную стратегию долгосрочного развития.*

В историческом противостоянии с латифундистской олигархической группировкой промышленники последовательно добивались того, чтобы главным направлением экономической деятельности стало интенсивное освоение внутреннего рынка, энергичное продвижение на него – в рамках парадигмы импортозамещающей индустриализации – разнообразных промышленных и сельскохозяйственных товаров местного изготовления. Вот некоторые примеры, иллюстрирующие результаты этой борьбы. В 1932–1939 гг. объем промышленного производства вырос на 62 %, тогда как ВВП в целом увеличился лишь на 20 %. В 1929 г. страна импортировала 65 % потребляемого цемента, в 1939 г. этот показатель снизился до 5 %⁴⁶. Та же тенденция просматривалась со многими потребительскими товарами: текстилем, одеждой, обувью, мебелью, предметами домашнего обихода, полигра-

фическими изделиями. Это указывало на динамизм развития ряда промышленных отраслей, в первую очередь трудоемких, которые и без активной государственной поддержки наращивали свое присутствие на местном рынке.

Труднее дело обстояло с капиталоемкими отраслями, с производством средств производства (машиностроение, станкостроение), а также с базовыми секторами: черной и цветной металлургией, химией и нефтехимией. В Аргентине отсутствовали судостроение, автомобилестроение и авиастроение, которые стали локомотивами экономического роста самых передовых в хозяйственном отношении государств, включая США, Германию, Великобританию, Францию, Японию, СССР. В отличие от таких стран, как Канада и Австралия (с которыми ее традиционно и с полным на то основанием сравнивают), Аргентина не уделяла должного внимания развитию тяжелой индустрии. Так, в 1939 г. страна импортировала 95 % всей потребляемой стали и каустической соды, 100 % электрогенераторов и оборудования для нефтяной промышленности. Явно недостаточной (по мировым критериям) была энерговооруженность аргентинской индустрии. В расчете на одного промышленного рабочего в Аргентине потреблялось в 4 раза меньше электроэнергии, чем в США или в Канаде⁴⁷.

Индустриализация по-аргентински неотвратимо меняла структуру национального продукта в пользу секторов обрабатывающей промышленности (см. табл. 1.5), но она

не приобрела интегрального характера, не сопровождалась приоритетным развитием наукоемких и капиталоемких отраслей, как это происходило в США, Японии, странах Западной Европы и в Советском Союзе. **В этом заключалась главная стратегическая слабость аргентинской индустриальной модели.**

Таблица 1.5

Структура ВВП (в %)

Отрасль	1935 г.	1940 г.	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.
Сельское хозяйство	22,73	20,59	12,70	15,43	12,18	6,35
Добывающая промышленность	1,08	1,39	0,79	1,26	2,00	1,25
Обрабатывающая промышленность	13,03	14,77	26,69	28,69	30,02	29,48
Газо-, электро- и водоснабжение	1,92	1,77	0,96	1,16	2,32	1,85
Строительство	1,78	2,36	6,21	3,85	5,78	8,65
Торговля	11,77	13,20	14,84	15,35	16,70	16,54
Транспорт, связь	9,02	7,59	7,84	7,44	9,77	4,48
Финансы	11,41	11,79	5,68	3,74	7,91	13,91
Прочее	27,26	26,54	24,29	23,08	13,32	17,49
Всего	100	100	100	100	100	100

Подсчитано по: Dos siglos de economia argentina (1810–2004). P. 198–203.

Тем не менее в социальном плане Аргентина, благодаря ранее накопленному богатству и развернувшемуся процес-

су индустриализации, все еще продолжала фигурировать в числе наиболее благополучных государств, занимая в 1939 г. шестое место в мире по размерам дохода на душу населения. Большим своеобразием (на латиноамериканском фоне) отличалась структура аргентинского общества, а именно наличие **массового среднего класса**, составлявшего в целом по стране 35 % населения, а в федеральной столице и провинции Буэнос-Айрес превышавшего 45 % жителей⁴⁸. Такая ситуация контрастировала с положением дел в других южноамериканских странах. Особенности социальной структуры существенным образом повлияли на политический процесс, в значительной степени определили механизм принятия решений в хозяйственной области и весь ход общественного развития. Это особенно отчетливо проявилось в 1940-е гг., когда в Аргентине возникли и вышли на арену политической жизни массовые движения, основу которых составляли именно средние слои.

Ощущая дополнительную социальную опору, индустриальные круги в самом начале десятилетия 1940-х предприняли организованную попытку изменения (в свою пользу) официальной хозяйственной политики, и это стало кульминационным эпизодом упорного противостояния латифундистов и промышленников. Речь идет о борьбе, развернувшейся вокруг «**плана Пинедо**» (по имени тогдашнего министра экономики Федерико Пинедо), представленного в декабре 1940 г. «План Пинедо», носивший явный отпечаток модных

в тот период кейнсианских идей, предусматривал принятие ряда мер по стимулированию национальной индустрии: долгосрочные кредиты промышленным компаниям, поощрение экспорта индустриальной продукции, введение протекционистских импортных пошлин, реализация масштабной программы жилищного строительства и даже создание в Латинской Америке зоны свободной торговли. Впервые в истории Аргентины план исходил из необходимости (в целях развития внутреннего рынка) повышения жизненного уровня основной части населения, в том числе через создание новых рабочих мест в промышленных секторах, где заработки были существенно выше, чем в сельском хозяйстве⁴⁹. Инициатива экономического ведомства вызвала негативную реакцию других членов правительства, тесно «завязанных» на интересы латифундистов, и в результате действий аграрного лобби была «провалена» в Национальном конгрессе. Однако эта победа консерваторов не стала полной и окончательной. На практике «План Пинедо» хотя и в малых дозах, но стал осуществляться. В 1941 г. была создана государственная корпорация «Фабрикасьонес милитарес», под эгидой которой в стране развернулось производство вооружений и боевой техники, постоянно возрастало число промышленных предприятий, аргентинские индустриальные товары появились на рынках других латиноамериканских государств. В Аргентине набирали силу новые тенденции, в полной мере давшие о себе знать в середине 1940-х годов. Было очевид-

но, что экспортно-сырьевая модель исчерпала свой потенциал и доживает последние дни. Приближалась новая (вторая) волна модернизации.

Суммируя вышеизложенное, зададимся вопросом: *какие главные факторы вызвали наступившие в 30-х и 40-х гг. прошлого века «перебои» с функционированием аргентинской агроэкспортной модели и в конечном счете предопределили ее замену другой парадигмой экономического развития ?*

Во-первых, сказалось негативное воздействие мирового кризиса 1929–1932 гг.: падение спроса на товары аргентинского экспорта, усиление протекционистских режимов, проблемы с импортом многих промышленных изделий, включая машины и оборудование. Все это продемонстрировало высокую степень внешней уязвимости аргентинской экономики, ее «сверхчувствительность» к перепадам конъюнктуры на международных товарных рынках. В период 1930–1943 гг. ВВП вырос всего на 28 %, но заметно расширился государственный сектор, поглотивший часть дополнительной рабочей силы и тем самым несколько ослабивший социальное напряжение.

Во-вторых, в полной мере проявились и стали очевидными слабости и архаичность политической системы Аргентины (свидетельство тому – военный переворот 1930 г.). В общественной жизни, оттеснив радикалов, доминировала латифундистская элита, основывавшая свое господство на земельной собственности, тормозившая развитие индустрии.

ального сектора экономики и демократических институтов и неизменно искавшая поддержки консервативной верхушки вооруженных сил.

В-третьих, после динамичного роста в первой четверти XX в. в 1930-е гг. произошло ощутимое замедление темпов социального развития и обновления. Проявилось и усилилось недовольство сравнительно массовых средних городских слоев, столкнувшихся в кризисный и посткризисный период с возросшими материальными трудностями и провалом оптимистичных общественных ожиданий. К этому можно прибавить рост численности маргинальных слоев населения, углубление имущественного неравенства. Все отчетливее претендовал на свою часть национального богатства и власти класс промышленников, вступивший в конфликт с аграрной олигархией.

В обществе развивался интенсивный процесс накопления протестных антисистемных настроений, кульминацией которого стал государственный переворот 1943 г.⁸ Он оттеснил от власти консерваторов и традиционные господствующие группы и открыл путь в большую политику новым национальным элитам из числа военных, синдикалистов и партийных функционеров, в различных комбинациях управлявших страной в течение 40 лет, вплоть до прихода к власти в 1983 г. правительства радикалов.

⁸ Характерно, что военные, организовавшие переворот, позиционировали себя в качестве сторонников индустриального развития.

Дискуссионным в зарубежной научной литературе остается вопрос о воздействии Второй мировой войны на экономическое положение Аргентины. Например, А. Хосами пишет, что в военные годы произошло «закрытие европейских рынков, что серьезно задело Аргентину и привело к экстраординарному сокращению экспорта ее сырьевых продуктов»⁵⁰. Однако надежные статистические данные опровергают эту точку зрения. В период 1940–1945 гг. аргентинские власти, до последнего момента сохраняя нейтралитет, поддерживали весьма активные коммерческие связи с обеими воюющими сторонами. В результате объем экспортных поставок возрос с 430,2 до 737,6 млн дол., т. е. на 72 %. Разумеется, ни о каком сокращении не было и речи. Как раз наоборот. Именно в годы войны крупным покупателем аргентинских товаров впервые стали США (до этого страны больше конкурировали): на их долю приходилось порядка 30–33 % экспорта. С другой стороны, в те же годы произошло некоторое (почти на 20 %) уменьшение импорта: с 380,9 до 308,2 млн дол., что обеспечило Буэнос-Айресу аккумулированное положительное сальдо торгового баланса в размере около 1,6 млрд дол. и рост валютных резервов в три с лишним раза, с 469 до 1 615,3 млн дол. (см. табл. 1.6).

Таблица 1.6

Внешняя торговля и валютные резервы в 1940–1950 гг. (млн дол.)

Год	Экспорт	Импорт	Сальдо	Валютные резервы
1940	430,2	380,9	49,3	469,0
1941	458,3	325,0	133,3	561,1
1942	505,3	319,0	186,3	683,2
1943	611,4	238,9	372,5	971,9
1944	686,5	267,3	419,2	1272,1
1945	737,6	308,2	429,4	1615,3
1946	1175,3	675,4	499,9	1686,6
1947	1614,3	1584,5	29,8	1163,1
1948	1626,8	1590,4	36,4	673,6
1949	933,8	1072,6	–138,8	387,2
1950	1167,6	1045,4	122,2	551,6

Составлено по: Dos siglos de economía argentina (1810–2004). P. 545, 592.

Данные показывают, что в целом экономические итоги Второй мировой войны и первых послевоенных лет были для Аргентины благоприятны. В частности, в 1948 г. был достигнут рекордный уровень экспорта – 1 626,8 млн дол., который удалось превзойти лишь в 1970 г., т. е. через 22 (!) года. Страна не только полностью расплатилась по внешним долгам, но впервые в своей истории превратилась из «закоренелого» должника в международного кредитора. Любопытно в этой связи, что, по мнению ряда исследователей, отмена в августе 1947 г. британским правительством свободной конвертируемости фунта стерлингов на деле означала дефолт по накопившимся за военные годы долгам Лондона Буэнос-Ай-

ресу⁵¹.

В середине десятилетия 1940-х стала отчетливо проявляться новая и более сложная композиция социальных сил, в первую очередь рост влияния и политической активности промышленных рабочих (как следствие процесса индустриализации), наиболее квалифицированные представители которых образовали часть средних слоев, чей удельный вес в обществе продолжал увеличиваться. Традиционные политические партии и группировки в силу целого ряда причин, анализ которых выходит за рамки данного исследования, оказались не в состоянии возглавить новые социальные силы и предложить привлекательную и отвечающую их интересам программу общественных перемен. В этой обстановке созрела потребность в иных политических организациях и объединениях.

Перонистский пролог – вторая волна модернизации

Знаковой фигурой нового этапа аргентинской истории стал один из организаторов переворота 1943 г., полковник Хуан Доминго Перон. Его идеология и политическая практика на десятилетия определили основные направления экономического и социального развития Аргентины. Без преувеличения можно сказать, что в XX в. это был крупнейший национальный лидер и «выразитель чаяний трудящихся».

ся», чье имя сохраняется в исторической памяти народа, а влияние основанного им политического движения – перонизма – в общественной жизни страны чрезвычайно сильно до сих пор.

Хуан Доминго Перон

Родился в городке Лобос провинции Буэнос-Айрес 18 октября 1895 г. В 16 лет поступил в военное училище, в 1938 г. был направлен в качестве наблюдателя в ряд европейских стран, включая Италию, где познакомился с опытом организации корпоративного фашистского государства. В частности, в Турине посещал курсы политической экономии. В 1943 г., как один из руководителей Группы объединенных офицеров, принял участие в очередном военном перевороте, свергнувшем гражданское правительство консерватора Рамона Кастильо. В новом кабинете Х.Д. Перон руководил департаментом труда, что позволило ему установить тесные контакты с частью влиятельных лидеров Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) и добиться принятия трудового законодательства, выгодного синдикатам и отвечающего интересам наемных работников. В 1943–1945 гг. по его инициативе было принято 111 законов в сфере трудовых отношений, так или иначе улучшавших положение работавших по найму. В том числе устанавливался новый порядок повышения заработной платы и вводилось дополнительное (и обязательное) ежегодное вознаграждение – сво-

его рода 13-я зарплата. Это привлекло в ряды профсоюзов сотни тысяч новых членов из низших слоев общества («черные головы»), что вызвало недовольство «старой рабочей гвардии» из числа потомков европейских иммигрантов. Страна разделилась на два лагеря: сторонников и противников Х.Д. Перона. В 1945 г. сформировался единый антиперонистский фронт с участием коммунистов, социалистов, консерваторов, радикалов, поддержанный крупным бизнесом и послом США Спрюилом Бреденом. Под их давлением Х.Д. Перон 9 октября того же года был арестован, однако массовые демонстрации сторонников обеспечили его освобождение уже 17 октября. Эта дата является официальным праздничным днем перонистского движения. На президентских выборах 24 февраля 1946 г. Х.Д. Перон одержал убедительную победу и возглавил страну. В 1947 г. была образована Перонистская (с 1958 г. – Хустисиалистская) партия, ставшая главным политическим инструментом в руках главы государства. Активную роль в перонистском движении играла его жена Эва Мария Дуарте Перон (Эвита), пользовавшаяся большой популярностью и любовью миллионов аргентинцев. Ее смерть от рака в возрасте 33 лет в 1952 г. стала без преувеличения национальной трагедией. В области внешней политики Х.Д. Перон провозгласил приверженность своего правительства «третьей позиции»: «равноудаленности» от капитализма и социализма. В 1946 г. были установлены дипломатические отношения с СССР. В

1951 г. он повторил свой электоральный успех, но второй президентский срок был прерван военным переворотом 1955 года. До 20 июня 1973 г. Х.Д. Перон находился в эмиграции. После возвращения в Аргентину он был в третий раз избран президентом страны и находился на этом посту до своей кончины 1 июля 1974 г.

В середине 40-х годов прошлого века, когда агроэкспортная модель проявила отчетливые признаки морального и материального износа, страна оказалась в точке бифуркации, из которой были возможны различные траектории движения. Обновленные правящие элиты в лице перонистской верхушки принялись вырабатывать альтернативную стратегию экономического развития и формировать новую социальную базу правительственного курса. Перонистскому режиму удивительным образом удалось сплотить в рамках единого блока традиционных консерваторов из аграрной глубинки и склонных к социалистическому влиянию промышленных рабочих, объединенных в быстро растущие синдикаты (число членов профсоюзов в 1947–1950 гг. выросло в 10 раз – с 500 тыс. до 5 млн человек)⁵². Вне этого контекста трудно понять основное содержание политики перонизма.

Едва придя к власти, новый глава государства выступил с беспрецедентными для Аргентины социально-экономическими заявлениями откровенно националистического толка и сформулировал такие цели в сфере хозяйственного и поли-

тического развития страны, которые были абсолютно невыносимы для его предшественников на этом посту. В частности, под лозунгом «*Социально справедливая, политически свободная и экономически суверенная Аргентина*» в качестве приоритетных ставились задачи добиться «сверхиндустриализации», покончить с системой «laissez faire» (т. е. рыночным капитализмом) и поместить государство в центр всей национальной экономики⁵³.

Обеспечивая достижение этих целей, Х.Д. Перон приступил к созданию огромного по аргентинским масштабам государственного сектора. Правительство национализировало созданный в 1935 г. как смешанное предприятие Центральный банк, передало в государственные руки телефонную связь, снабжение потребителей природным газом и электроэнергией, создало национальную авиационную компанию «Аэролинеас архентинас» и укрепило ранее образованное госпредприятие торгового флота, совместно с частным капиталом учредило сталелитейную фирму СОМИСА, значительно расширило производственную деятельность учрежденного в 1941 г. военно-промышленного холдинга «Дирексьон хенераль де фабрикасьонес милитарес», заложило основы программы создания в стране атомной энергетики. Одновременно был установлен государственный контроль над страховыми компаниями и национализированы банковские депозиты. На практике национализация депозитов означала, что все вклады переходили под контроль Цен-

тробанка, который решал, кому и на каких условиях предоставлять кредиты. В руках государства (а точнее – конкретных чиновников) оказывался мощный рычаг воздействия как на отдельные компании, так и в целом на макроэкономическую обстановку в стране. «Выражаясь другими словами, – писал в этой связи Р. Качаноски, – с точки зрения перонистов, небольшая группа бюрократов имела право решать, что производить, по каким ценам, в каких количествах и какого качества»⁵⁴.

Принятые меры (**вторая волна модернизации** национальных социально-экономических структур) означали структурную трансформацию экономики Аргентины, которая прошла в весьма сжатые исторические сроки, но, как показали дальнейшие события, носила частичный и незаконченный характер и была отмечена внутренними противоречиями и нестыковками. Все это, разумеется, ослабляло положительный эффект от проводимых преобразований.

Приоритетным направлением макроэкономической политики Х.Д. Перона явилась индустриализация, проводимая преимущественно на основе национальных усилий и за счет внутреннего рынка. В этом ее историческое значение. Как писал аргентинский исследователь Клаудио Белини, «перонистское десятилетие, охватившее 1946–1955 гг., можно рассматривать в качестве ключевого периода в экономической истории Аргентины»⁵⁵.

Индустриальный проект перонизма предусматривал ис-

пользование разнообразных инструментов и институтов развития: протекционистские тарифы в отношении импорта, контроль над обменным курсом песо, дешевые кредиты промышленным компаниям, относительно низкие цены на товары и услуги предприятий государственного сектора. Были созданы *Министерство промышленности* и *Банк индустриального кредита*, приняты два пятилетних плана, которые заложили ориентиры роста национальной индустрии и определили механизмы достижения поставленных целей. На ряде направлений промышленное развитие продвинулось далеко вперед. Так, были заложены основы автомобилестроения (местное производство подскочило со 108 машин в 1951 г. до 6404 в 1955 г.), что дало мультипликативный эффект роста целого ряда смежных отраслей. Бурно развивалось производство электробытовых приборов (см. табл. 1.7), определенный импульс получил выпуск сельскохозяйственной техники, почти в 3 раза в 1946–1953 гг. выросло количество текстильных предприятий и т. д. Подгоняемая высоким спросом, созданным благодаря развертыванию общественных работ, увеличила обороты цементная промышленность.

Таблица 1. 7

Производство электробытовых приборов (шт.)

Наименование	1946 г.	1955 г.	Рост в %
Холодильники	6967	83600	1100
Стиральные машины	2085 (1948 г.)	71128	3311
Вентиляторы	67664	269539	298
Утюги	99589	224619	126

Источник. *Belini C.* La industria peronista. 1946–1955: políticas públicas y cam-bio estructural. Buenos Aires, 2009. P. 138.

Структурным ограничителем индустриализации стали сами сравнительно небольшие размеры аргентинской экономики, сложность пробиться на внешние рынки и относительно слабый внутренний потребительский спрос, в частности, за счет низких заработных плат большинства населения. Простой пример. В 1954 г. средние зарплаты работающих по найму колебались в пределах 500—1000 песо, тогда как холодильник стоил порядка 10 тыс. песо. Это обстоятельство заставило власти (наряду с проведением политики роста реальных доходов) поощрять продажу товаров длительного пользования с рассрочкой платежа до трех лет, что несколько улучшило ситуацию. С тех пор продажа товаров в квотах пользуется у аргентинских потребителей особой популярностью.

Наиболее впечатляюще выглядели макроэкономические показатели 1946–1948 гг.: ВВП Аргентины в среднем рос на 8,5 % в год, объем внешней торговли подскочил с 1 851 до

3 217 млн дол. (см. табл. 1.8). В эти три «золотые года» обрабатывающая промышленность развивалась опережающими темпами и выросла на 32 % (аграрный сектор – на 13 %). Положительный сдвиг произошел в социальной сфере – покупательная способность населения увеличилась на 46 %.

По данным переписи 1954 г., в Аргентине насчитывалось 1478 государственных предприятий, многие из которых были крупными (по аргентинским меркам) компаниями. Составляя всего 1 % общего числа индустриальных фирм, госпредприятия давали 10,3 % валовой продукции. Анализируя эту информацию, З.И. Романова обоснованно пишет: «Рост государственного предпринимательства в промышленности означал усиление экономических позиций промышленной буржуазии, опиравшейся на более емкий рынок в связи с увеличением государственного спроса»⁵⁶. От себя добавим, что именно в период перонистского правления в Аргентине сформировался мощный, влиятельный и крайне коррумпированный слой так называемой *«буржуазии пребенды»* или *«синекурной буржуазии»*, т. е. части местного предпринимательского класса, строящего свой бизнес преимущественно на базе «особых отношений» с государством. Вполне определенно по этому поводу высказался видный перонистский деятель, президент страны в 2002–2003 гг. Эдуардо Дуальде: «Наша национальная буржуазия практически была создана волевым решением государства в конце 40-х – начале 50-х годов. Перон кооптировал одного из предпринимателей в

свое правительство и назначил его министром экономики. С этого момента началось формирование местного предпринимательского сообщества...»⁵⁷

Таблица 1.8

Динамика макроэкономических показателей в 1946–1955 гг. (млн. дол.)

Год	Изменение ВВП (%)	Экспорт	Импорт	Валютные резервы	Госдолг	Инфляция (%)
1946	8,93	1175,3	675,4	1686,6	1943,9	17,7
1947	11,12	1614,3	1584,5	1163,1	1995,7	13,5
1948	5,48	1626,8	1590,4	673,6	1525,7	13,1
1949	–1,30	933,8	1072,6	387,2	1109,5	31,1
1950	1,21	1167,6	1045,4	551,6	1000,4	25,5
1951	3,89	1169,4	1489,2	347,0	819,4	36,7
1952	–5,03	687,8	1179,3	173,6	1053,8	38,6
1953	5,30	1125,1	795,1	485,8	1411,8	4,0
1954	4,13	1026,6	979,0	468,9	1559,3	3,8
1955	7,06	928,6	1172,6	235,4	1541,9	12,3

Составлено по: *Dos siglos de economia argentina (1810–2004)*. Р. 172, 450, 527, 545, 546, 592.

Важным звеном системы государственного регулирования экономики стало учреждение в 1946 г. *Аргентинского института содействия товарообороту (ИАПИ)*, получившего практически монопольное право скупать по фиксированным ценам сельскохозяйственную продукцию у местных производителей для ее последующей перепродажи на

внешних рынках, а также импортировать необходимые национальной промышленности изделия и оборудование. К 1951 г. на долю ИАПИ приходилось 75 % экспорта и 20 % импорта⁵⁸. Очевидно, что создание ИАПИ в идейном и оперативном смысле было развитием деятельности регулирующих отраслевых «хунт», созданных в 1930-е гг. Но имелось одно принципиальное различие: если «хунты» защищали интересы аграрного сектора, гарантированно обеспечивая ему высокие цены на производимую продукцию, то ИАПИ, напротив, сдерживал «экономические аппетиты» сельских олигархов и сохранял цены на сельскохозяйственные товары на сравнительно низком уровне. По мнению многих специалистов, таким образом **перонистское руководство обеспечило небывалый в истории Аргентины «перелив» части финансовых ресурсов из аграрного сектора в индустриальный**⁵⁹. Со своей стороны согласимся, что именно изъятые из сельского хозяйства ресурсы позволили сформировать в стране современную индустриальную базу.

Знаковый характер носила национализация в 1949 г. железных дорог – символа многолетнего английского присутствия и влияния. В этой акции удивительно полно отразились сильные и слабые стороны политики Х.Д. Перона, внутренняя противоречивость его курса. Обратимся к фактам. **Первое.** В руки государства перешел огромный сегмент развитой производственной инфраструктуры – сеть дорог общей протяженностью 24,5 тыс. км, 4,7 млн кв. м прилега-

ющих земель, 3965 локомотивов, тысячи вагонов, гостиницы, офисные здания и другое имущество. Но при этом больше половины подвижного состава было ввезено в страну до 1914 г., т. е. к моменту национализации его износ был весьма существенный. **Второе.** Специальные исследования установили, что реальная стоимость собственности, перешедшей к аргентинскому государству, не достигала 1 млрд песо (в ценах того времени), тогда как перонистское правительство выплатило прежним хозяевам около 3 млрд. Как писал английский историк Генри Фернс, Буэнос-Айрес купил «старое железо» по цене золота⁶⁰.

Национализация иностранной собственности и в целом изначально негативное отношение Х.Д. Перона к международному бизнесу привели к резкому сокращению удельного веса зарубежных инвестиций в совокупном капитале (в 1955 г. до 5 %) и к **укреплению автаркических тенденций в экономической политике Аргентины.** Этот курс по времени совпал с действием ряда внешних факторов, оказавших отрицательное воздействие на позиции страны на международных рынках. Главное – Аргентина столкнулась с неблагоприятной конъюнктурой мировых цен на доминирующие в ее экспорте товары. В частности, реализация выдвинутого правительством США плана Маршалла привела к заметному падению цен на сырьевые и сельскохозяйственные товары (в 1949 г. – на 30 %) и, по мнению аргентинских специалистов, практически вытесняла Буэнос-Айрес с

его традиционных европейских рынков, занимаемых американскими и канадскими экспортерами, а также окрепшими в послевоенные годы местными производителями⁶¹. В 1949 г. аргентинский экспорт сократился на 42,6 % (с 1 626,8 до 933,8 млн дол.) и *внешнеторговый баланс впервые за 10 лет был сведен с дефицитом в 138,8 млн дол.* Такого отрицательного сальдо во внешней торговле не было никогда. Как следствие – экономическое положение страны становилось все более шатким.

Перепады хозяйственной конъюнктуры ставили под угрозу осуществление основных политических и социальных планов перонистского руководства. Но на первом этапе своего правления перонистам удалось ощутимо улучшить материальное положение широких слоев аргентинского населения и тем самым повысить свой авторитет. Краеугольным камнем социальной политики Х.Д. Перона было последовательное укрепление позиций преданных лично ему профсоюзов и националистически настроенной части предпринимательского класса. Широко используя накопленные в период войны и в первые послевоенные годы значительные финансовые ресурсы, перонистское правительство провело существенное повышение реальной заработной платы (см. рис. 1.2) и создало развитую систему социального обеспечения, которая ориентировалась на европейские образцы и на тот момент была, безусловно, лучшей в Латинской Америке. Отсюда – глубоко укоренившееся в обществе мнение, что во

времена правления Х.Д. Перона «Аргентина была праздником».

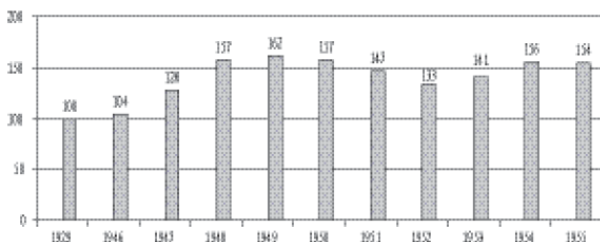

Рис. 1.2.

Аргентина: динамика реальной заработной платы (1929 г. = 100)

Источник. Coiies Conde R. La economia politica de la Argentina en el siglo XX. P. 168.

В 1948 г. впервые в аргентинской истории доля заработной платы в национальном доходе превысила долю доходов, получаемых из других источников – соответственно 53 и 47 % (всего пятилетие назад ситуация была прямо противоположная: 44 и 56 %). Известные выгоды извлекли и местные промышленники, надежно защищенные от иностранной конкуренции. Кроме того, в интересах частного бизнеса происходило снижение (в реальном исчислении) тарифов на товары и услуги государственных компаний, которое в 1945–

1955 гг. составило порядка 35 %⁶². Все это расширяло социальную базу перонистского режима, а самому Х.Д. Перону помогло одержать убедительную победу на выборах 1951 г. и переизбраться на пост главы государства⁹. Однако с ухудшением международного экономического положения страны в значительной мере сводились на нет и привилегии местного бизнеса, и результаты политики перераспределения национального дохода в пользу трудящихся.

Для целей нашего исследования важно отметить еще одно принципиальное обстоятельство: именно в период перонистского правления стратегический вектор экономического развития Аргентины начал расходиться с новой генеральной линией мирового хозяйственного роста. Если аргентинские власти сделали ставку на протекционизм и автаркию, то глобальная экономика становилась все более либеральной, открытой и конкурентной. **Это противоречие стало одной из главных причин все более заметного отставания Аргентины от передовых индустриальных государств.**

Суть проблемы, на наш взгляд, состояла в том, что перонисты не сумели в рамках модели импортозамещающей индустриализации создать конкурентоспособную диверсифи-

⁹ Перонисты получили 4 580 тыс. голосов, тогда как их главные конкуренты, радикалы, почти в 2 раза меньше – 2 300 тыс. Важную роль сыграло то обстоятельство, что в этих выборах впервые участвовали женщины, получившие право голоса в 1947 г. во многом благодаря настойчивости Э. Перон. Неудивительно, что женский электорат в своем большинстве поддержал перонистов.

цированную промышленность, способную занять свою нишу на мировых товарных рынках. Те новые предприятия, которые возникали, полностью и исключительно зависели от колебаний внутреннего спроса. По оценкам экспертов, сравнительные производственные издержки в промышленности Аргентины были в 2 раза выше, чем, например, в Австралии или Канаде⁶³. «Стягивание» экономики под жесткий контроль государства было несовместимо с решением задач технического перевооружения индустрии, повышения ее конкурентоспособности. В результате уменьшение привычных экспортных сверхдоходов от реализации сельскохозяйственной продукции не было компенсировано ростом промышленного экспорта и правительству пришлось направлять на социальные нужды и другие государственные расходы валютные резервы Центрального банка, драматическим образом сократившиеся с 1 686,6 млн дол. в 1947 г. до 235,4 млн дол. в 1955 г., т. е. в семь с лишним раз⁶⁴. Из-за возросших государственных расходов уже в 1949 г. бюджетный дефицит достиг 12 % ВВП, что ясно указывало на серьезные просчеты в макроэкономической политике.

Структурные слабости аргентинской экономики особенно выпукло проявились в области энергетики. Отсутствие необходимых стратегических инвестиций в этой жизненно важной сфере привело к тому, что страна оказалась в сильнейшей зависимости от импорта энергоносителей. К середине 1950-х годов Аргентина ввозила из-за рубе-

жа 90 % потребляемого угля и 60 % нефти. Причем импорт «черного золота» в физических объемах вырос с 590 тыс. т в 1949 г. до 3,7 млн т в 1955 г. (в 6,3 раза)⁶⁵. Такую дополнительную нагрузку аргентинский бюджет просто не выдерживал. Злую шутку сыграли с Х.Д. Пероном сильные неурожаи зерновых 1950 и 1951 гг. Звучит парадоксально, но в 1952 г. Аргентина впервые в XX в. была вынуждена импортировать пшеницу из Канады⁶⁶.

Не сработали планы подъема металлургической промышленности, в результате чего страна в этой отрасли отстала от других латиноамериканских государств (см. табл. 1.9). Причин такого положения дел было несколько: слабая сырьевая база, нехватка валюты для закупки дорогостоящего оборудования, бюрократические барьеры и проволочки. Но факт остается фактом: при первом перонистском правлении металлургическая основа аргентинской промышленности создана не была. А без этого многие другие проекты повисали в воздухе.

Таблица 1.9

Производство стали в отдельных латиноамериканских странах (тыс. т)

Год	Аргентина	Бразилия	Чили	Мексика
1947	170	297	36	300
1951	300	623	113	395
1953	150	975	343	424
1955	215	1156	327	737

Источник. *Belini C. La industria peronista. 1946–1955: políticas públicas y cam-bio estructural. P. 52.*

Фактический провал перонистской стратегии превращения Аргентины в «великую индустриальную державу» и сокращение материальных возможностей режима «подкармливать» значительную часть населения привели к следующим последствиям. *Первое.* Замедлился рост реальных доходов подавляющего большинства работающих по найму. В ряде случаев наблюдалось сокращение заработной платы. Страна впервые в своей истории столкнулась с феноменом высокой инфляции, когда индекс потребительских цен «скакнул» с 13,1 % в 1948 г. до 31,1 % в 1949 г. и 38,6 % в 1952 г.⁶⁷ *Второе.* На волне нараставшего недовольства стал еще глубже раскол нации на сторонников и противников перонизма. Причем количество последних постоянно возрастало. *Третье.* Правящий режим, как это очень часто бывает в истории, не мог простить народу собственные ошибки и открыто перешел к авторитарным методам правления. Правительство Х.Д. Перона вступило в острый конфликт с весьма влиятельной католической церковью, ответило репресси-

ями на рост забастовочного движения и, что было фатальной ошибкой, допустило возникновение в армии сильной оппозиции политике перонизма.

В начале 1955 г. Х.Д. Перон сделал в своей политике поворот на 180° и заявил, что «аргентинская экономика декапитализирована и не отвечает современным техническим требованиям» (что было чистой правдой), а потому «единственным реальным ресурсом» ее подъема и модернизации является иностранный капитал¹⁰. Точности ради нужно заметить, что перонистский режим понемногу открывал двери зарубежным инвестициям уже с 1952 г., когда было подписано соглашение с итальянским концерном ФИАТ об организации в Кордове сборочного предприятия по выпуску автомобилей и тракторов. В 1953 г. совместно с американским капиталом и государственным участием была учреждена первая аргентинская автомобильная компания «Индустриас Кайсер Архентина», и в том же году Национальный конгресс принял закон, разрешавший иностранным компаниям, действовавшим в стране, переводить прибыли за границу. Но в 1955 г. Х.Д. Перон пошел еще дальше, допустив американскую нефтяную монополию «Стандард ойл» в святая святых – добычу нефти в Патагонии.

Вынужденная смена экономического курса свидетельствовала о недостаточной эффективности методов государ-

¹⁰ Заметим, что к этому моменту Аргентина вновь была вынуждена прибегнуть к внешним займам и снова превратилась в международного должника.

ственного регулирования, применявшихся перонистским руководством. Но, внеся коррективы в хозяйственную политику, Х.Д. Перон ясно продемонстрировал присущую ему гибкость и способность извлекать уроки из собственного опыта. Положительные результаты не замедлили сказаться. Правительству удалось поставить под контроль инфляцию, и в 1955 г. экономика выросла на 7 %. В более широком контексте было бы некорректно с научной точки зрения отрицать историческое значение социально-экономических реформ, проведенных Х.Д. Пероном. Несмотря на очевидную неудачу в достижении поставленных амбициозных («великодержавных») целей, баланс правления перонистов был далеко не так однозначен.

Case study

Итоги перонистского правления (1946–1955 гг.)

За десятилетие пребывания Х.Д. Перона у власти аргентинская экономика выросла на 48 % (в среднем на 4 % в год), а покупательная способность населения увеличилась на 41 %. Вместе с тем в повседневную жизнь аргентинцев впервые вошло такое разрушительное явление, как инфляция, позднее превратившаяся в почти постоянный кошмар национальной экономики. Важнейшим социально-экономическим изменением стало новое положение в обществе широких слоев трудящихся, которые существенно повысили долю своего участия в национальном богатстве, получи-

ли доступ к фундаментальным государственным услугам (в большинстве – бесплатным), начали играть заметную роль в политике. Курс на перераспределение доходов принес плоды не только в плане повышения благосостояния основной массы населения, но и в смысле расширения внутреннего рынка для растущей аргентинской промышленности. Главным стратегическим просчетом перонистов было противопоставление интересов аграрного сектора задачам развития национальной индустрии. Вместо того чтобы «суммировать» потенциалы двух составляющих реальной экономики, правительство Х.Д. Перона (особенно на первом этапе своей деятельности) стимулировало промышленный рост за счет недофинансирования и отставания сельского хозяйства. Аграрный сектор, исторически играющий исключительно важную роль в хозяйственной жизни, не получил необходимого модернизационного импульса в период, когда на глобальном уровне стремительно крепили позиции стран-конкурентов. Данное обстоятельство (наряду с неспособностью индустрии прочно закрепиться на все более конкурентных международных рынках) вело к ослаблению позиций Аргентины в мировой экономике и торговле.

Исследователь Пабло Бродер писал, что в период правления перонистов впервые в истории Аргентины была предпринята реальная попытка трансформировать отсталые общественные структуры и ощутимо улучшить условия жиз-

ни наименее имущих слоев населения⁶⁸. Как мы видели, в данном отношении немало удалось сделать, и это осталось в социально-экономическом активе аргентинской нации, в памяти и сознании миллионов людей, до конца оставшихся верными своему лидеру. «Для большей части аргентинцев, – отмечал Х. Тодеска, – перонистское десятилетие было временем исторического значения, когда богатая страна, о которой так много говорили, постучалась им в двери»⁶⁹.

Перонистская волна модернизации стала важной вехой в хозяйственном развитии. Благодаря Х.Д. Перону Аргентина ощутимо продвинулась вперед в направлении создания основ современного социально ориентированного государства. Вместе с тем нельзя не учитывать и другие компетентные мнения, дополняющие наши представления об исторической роли перонизма. Речь, в частности, идет о таком явлении, как **аргентинская апория**, или присущая стране неразрешимая проблема – периодически возникающая *неуправляемость* («ингобернабилидад») общественными процессами, своего рода ступор власти, когда существующие государственные институты не в состоянии должным образом исполнять свои функции, и страна вступает в полосу кризиса. На протяжении XX в. (и в начале нынешнего) Аргентина неоднократно оказывалась в такой критической ситуации, платила за нее чрезвычайно высокую социальную цену. Эндемический характер явления неуправляемости многие исследователи связывают именно с перонизмом, чей вы-

ход на политическую арену разделил аргентинскую нацию почти пополам и создал следующий жесткий алгоритм национального политического процесса: либо перонисты сами находятся у власти, либо они чрезвычайно затрудняют (если не делают абсолютно невозможным) правление других социальных сил. Поэтому одной из ключевых, но трудно выполнимых задач политического процесса стал поиск выхода из обозначенного порочного круга, преодоление раскола общества и сплочение его ради достижения стратегических целей общественного развития.

Фактом является то, что **феномен перонизма** очень поразному трактовался и продолжает трактоваться политиками и исследователями как в самой Аргентине, так и (особенно) за рубежом. Для одних он выступал аргентинским вариантом европейской левой, для других – своеобразной версией корпоративизма и фашизма, перенесенной на латиноамериканскую почву. Бесспорно одно: в перонизме органично совместились следующие элементы (составные части):

◆ *идеологический прагматизм*, позволивший лидерам движения эволюционировать от ортодоксального этатизма и дирижизма (их максимальным выразителем был, прежде всего, сам Х.Д. Перон) к либеральному рынку (реформаторы-монетаристы 1990-х годов во главе с К. Менемом);

◆ *популизм* или опора на беднейшие и консервативно настроенные слои населения, привлеченные популистскими лозунгами и конкретными акциями (достаточно вспомнить

неутомимую деятельность на этой ниве Эвы Перон, по сей день остающейся главной героиней малоимущих аргентинцев);

♦ *аргентинский лейборизм*, обеспечивший превращение в социальную базу перонистского движения организованной части рабочего класса, создание массовых профсоюзов, сплоченных вокруг ХП;

♦ *автаркическая модель* позиционирования Аргентины в мире, с минимальными изменениями просуществовавшая вплоть до начала 1990-х гг.

Все это, вместе взятое, легло в основу оригинальной (автохтонной) аргентинской парадигмы общественного развития, которая, несмотря на частые политические зигзаги и потрясения, сохранялась до 1989 г., когда из водоворота кризиса и гиперинфляции возник новый, отличный от всех предыдущих, проект национальной модернизации.

Страница истории

Свержение правительства Х.Д. Перона

15 июня 1955 г. боевые группы, состоящие из сторонников консерваторов, радикалов и социалистов, совместно с военными морями и представителями клерикальных кругов предприняли попытку государственного переворота. Расположенная перед президентским дворцом (Розовый дом) Майская площадь и некоторые другие центральные районы Буэнос-Айреса подверглись бомбардировкам авиа-

цией ВМФ. В налетах участвовали 20 боевых машин, 364 человека были убиты, сотни ранены. Путч провалился, и его участники скрылись в соседнем Уругвае. После столкновения президент призвал нацию к спокойствию и диалогу, но его сторонники предприняли контратаку и сожгли несколько церквей и штаб-квартиру Соцпартии. Оппозиция ответила призывами к «свержению тирании», и 16 сентября 1955 г. армия отстранила Х.Д. Перона от власти. Активисты перонистского движения, включая деятелей ВКТ, готовы были продолжать борьбу и требовали раздачи оружия. Х.Д. Перон ответил отказом и эмигрировал сначала в Парагвай, а затем в Испанию. Ненависть к нему со стороны нового режима была настолько велика, что в 1956 г. специальным декретом власти запретили упоминать его имя, а Перонистская партия официально «вычеркивалась» из политической жизни страны.

Десарролизм и кризис госрегулирования

Военные перевороты, длинная череда которых началась 6 сентября 1930 г. со свержением И. Иригойена, очень часто преследовали сугубо прагматические, как правило, политические цели, но в ряде случаев приводили и к серьезным изменениям в хозяйственной области. В частности, в 30-е годы прошлого века военный режим явно отступил от наци-

оналистического курса правительства радикалов, ориентированного на стимулирование промышленного роста, и пошел навстречу интересам аграрной олигархии, чем на целое десятилетие затормозил прогрессивную перестройку аргентинской экономики, по существу, задержал развитие страны.

В 1955 г. не существовало веских экономических причин для государственного переворота. Несмотря на имевшиеся хозяйственные проблемы и ошибки перонистского руководства, экономическая ситуация отнюдь не была безнадежной, а страна нуждалась не в крутых поворотах и потрясениях, а в стабилизации положения и продуманных структурных реформах, своего рода «тонкой настройке». Ничего подобного пришедший к власти военный режим предложить не мог. Можно утверждать, что мотивация переворота была в чистом виде политической (ставилась задача, во что бы то ни стало «выбить» власть из рук перонистов). Действуя в направлении **«деперонизации»** страны, военные власти разогнали Национальный конгресс, ввели внешнее управление в провинциях, «перетряхнули» состав Верховного суда, назначили своих представителей на руководящие посты в университетах, провели массовые аресты видных перонистов. Политическую мотивацию переворота косвенно подтверждает и отсутствие у путчистов внятной экономической программы.

Поскольку пришедший к власти военный режим плохо представлял, что делать с экономикой, соломоновым реше-

нием стало поручить разработку программы необходимых мер в хозяйственной области самому известному латиноамериканскому экономисту того времени, аргентинцу Раулю Пребишу, занимавшему пост исполнительного секретаря престижной и влиятельной Экономической комиссии ООН для Латинской Америки (ЭКЛА, позднее – ЭКЛАК) и известному своими антиперонистскими взглядами.

Рауль Пребиш

Выдающийся аргентинский экономист, один из создателей теории периферийной экономики и лидеров десаррольлизма. Родился в 1901 г. в городе Тукуман в Аргентине, в 1923 г. окончил экономический факультет Университета Буэнос-Айреса. В течение многих лет сочетал научно-преподавательскую работу и государственную службу (был помощником министра финансов, директором Центрального банка). Мировую известность Р. Пребиш приобрел в качестве исполнительного секретаря ЭКЛА (1950–1963 гг.) и генерального секретаря Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) в 1964–1969 гг. В своих теоретических трудах и практической деятельности Р. Пребиш искал ответы на такие кардинальные вопросы глобального развития, как причины отсталости стран «третьего мира» и выработка стратегии их экономического роста. Им обоснованы и развиты идеи импортозамещающей индустриализации, региональной экономической интеграции в Латин-

ской Америке, преобразования аграрных структур, программирования развития. Р. Пребиш выдвигал задачу выйти на «синтез социализма и экономического либерализма», беря все ценное и общественно полезное от того и другого и отсекая в них то, что в реальной жизни себя не оправдало. Скончался в Чили в 1986 г.

По просьбе властей Р. Пребиш представил аналитические доклады и сформулировал ряд рекомендаций, главными из которых были две: активное поощрение аргентинского промышленного экспорта в соседние латиноамериканские страны (в направлении будущей региональной интеграции) и развитие базовых отраслей индустрии. Последнее рассматривалось в качестве необходимого условия, гарантирующего устойчивость и сбалансированность платежного баланса, который в Аргентине в последние годы сводился с хроническим дефицитом. **Кардинальную задачу Р. Пребиш видел в обеспечении макроэкономического равновесия, серьезно нарушенного в предшествующий период.**

Военные лидеры правительства «де-факто» равнодушно отнеслись к предложениям маститого экономиста и, руководствуясь своего рода «висцеральным» антиперонизмом, во главу угла экономической политики поставили форсированный демонтаж основных хозяйственных и социальных механизмов и институтов, созданных при Х.Д. Пероне. Так, был разогнан ИАПИ, ослаблен контроль над ценами, осу-

ществлено прямое вмешательство в дела ВКТ, приватизированы банковские депозиты, сделана попытка (неудачная) либерализации импорта и стимулирования экспорта сельскохозяйственных товаров. *Коренному пересмотру подверглись приоритеты внешнеэкономических отношений Аргентины.* На место проводившейся перонистами политики «равноудаленности» и «третьей позиции» пришел курс на тесное взаимодействие с Западом. Буэнос-Айрес вступил в МВФ и Всемирный банк, в качестве ассоциированного члена присоединился к Европейскому союзу платежей (впоследствии – Парижский клуб)⁷⁰, предпринял дополнительные шаги по привлечению в страну иностранного капитала с целью преодолеть ситуацию «внешнего удушья»¹¹.

Кроме того, режим провел резкую девальвацию песо (его цена за 1 доллар США снизилась с 8,8 до 22 единиц) и внес коррективы в фискальную политику, отвечавшие интересам наиболее обеспеченных слоев населения. В итоге были практически перечеркнуты результаты, достигнутые перонистским правительством в деле перераспределения национального дохода в пользу наемных работников: их доля снова ощутимо снизилась, составив в 1957 г. 42 %⁷¹. В целом макроэкономические результаты правления военного режима были весьма скромными (см. табл. 1.10). В

¹¹ Этим термином Р. Пребиш определял механизм ухудшения позиций развивающихся стран в международных экономических отношениях // *Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива?* М., 1992. С. 224–234.

1955–1957 гг. ВВП демонстрировал умеренный рост, сальдо внешнеторгового баланса оставалось отрицательным, увеличивался госдолг, набирала темпы инфляция.

В результате социально-экономическая политика военного режима вызвала широкое гражданское недовольство, и прежде всего со стороны многочисленных приверженцев перонизма, которые, несмотря на официальный запрет и гонения, в различных формах продолжали участвовать в политической жизни и оказывать заметное воздействие на общественную обстановку в стране. Столкнувшись с массовыми протестами и не добившись заметного улучшения экономического положения Аргентины, правящая хунта пошла на проведение в феврале 1958 г. президентских выборов, на которых победу одержал лидер одного из течений в радикализме, видный сторонник теории десаррольизма Артуро Фрондиси, приступивший к выполнению обязанностей главы государства в мае того же года.

Таблица 1.10

Динамика макроэкономических показателей в 1956–1963 гг. (млн дол.)

Год	Изменение ВВП (%)	Экспорт	Импорт	Валютные резервы	Госдолг	Инфляция (%)
1956	2,78	943,8	1127,6	204,5	1579,2	13,4
1957	5,18	974,8	1310,4	323,8	1621,5	24,7
1958	6,10	993,9	1232,6	133,0	1584,5	31,6
1959	-6,46	1000,6	983,6	379,7	1125,4	113,7
1960	7,88	1079,2	1249,3	697,5	1177,7	27,3
1961	7,10	964,1	1460,3	496,2	1447,9	13,5
1962	-1,59	1216,0	1356,5	191,7	3706,0	28,1
1963	-2,37	1365,5	980,7	322,3	3617,0	24,1

Составлено по: Dos siglos de economia argentina (1810–2004). P. 172, 450, 527, 546, 592.

Страница истории

Десаррольизм

*Реформистская экономическая теория, получившая свое название от испанского слова *desarrollo* (развитие) и имевшая широкое хождение в странах Латинской Америки в 50-е и 60-е годы прошлого века. Идеологи десаррольизма (Р. Пребиш, Ф. Эррера, ХА. Майобре, А. Фрондиси, Р. Фрихелио и др.) ставили главной задачей ускорение экономического роста латиноамериканских государств на путях ускоренной индустриализации с активным участием иностранного капитала, проведение аграрных преобразований, укрепление госсектора, а в социально-политической сфере – развитие демократических порядков и обеспечение основных гражданских прав и свобод самых широких слоев населения. Многие приверженцы десаррольизма последовательно выступа-*

ли решительными сторонниками латиноамериканской экономической интеграции и повышения роли региона в системе мирохозяйственных связей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.